

НИЖЕГОРОДСКІЙ

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна Ниж. Церк.-Общ. Вѣстника: годовая 5 руб., полугодовая 3 руб., съ доставкой и пересылкой; за отдѣльный №—15 коп.

Цѣна за помѣщеніе объявленій: на 1-й страницѣ 20 коп. за мѣсто, занимаемое строкою петита, на послѣднихъ страницахъ—10 коп.; повтореніе—по соглашенію; разсылка готовыхъ объявленій вѣсомъ не болѣе 1 лота 6 руб. съ тысячи.

Подписка принимается въ Домѣ Братства Св. Георгія въ библиотекѣ-читальнѣ городского духовенства. Квартира редактора: Большая Печерка, № 57—10. Приемъ отъ 2—3 ч. пополудни.

№ 2-й.

Доставленные въ Редакцію рукописи подлежатъ въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ Редакціи 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ могутъ быть подвергнуты уничтоженію, мелкія же изъ нихъ уничтожаются немедленно.

Письменные объясненія по поводу корреспонденцій и статей, неудобныхъ къ печати, для Редакціи не обязательны.

Рукописи, доставляемыя безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе Редакціи.

СОДЕРЖАНІЕ. Часть официальная. Часть неофициальная. Къ трехсотлѣтію царствованія Дома Романовыхъ.—Поѣздка на Иордань.—Божія кара.—Изъ мѣстной епархіальной хроники.—Изъ общей церковной жизни.—Изъ общественной жизни.—Объявленія.

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

СПИСОКЪ

священниковъ, предназначенныхъ къ произнесенію проповѣдей въ 1913 году въ кафедральномъ и ярмарочномъ соборахъ.

(Окончаніе).

- Май 5. Нед. о Разслабленномъ. Священникъ Печерской Слободы *Ермолаевъ* и священ. Спасопр. кладбищенской церкви *Е. Постниковъ*.
6. Рожденіе Государя Императора. Мих.-Архангельскаго собора протоіерей *А. Некрасовъ* и Николаевской церкви при 3-й богадѣльнѣ священникъ *Парійскій*.
9. Святителя Николая. Священникъ Владимірской церкви *П. Никольскій* и священникъ Алексіевской церкви *П. Ласточкинъ*.
12. Нед. о Самарянинахъ. Священникъ Мурино-сицкой ц. *Н. Лавровъ* и священникъ Успенской церкви *М. Коневскій*.
14. Коронаваніе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Протоіерей Вознесенской цер. *М. Кудряцевъ* и священ. Сергіевской церкви *А. Раевскій*.
19. Нед. о Слѣпомъ. Священникъ Трехсвятительской церкви *А. Раевъ* и священникъ 2 корпуса *М. Троицкій*.
23. Вознесеніе Господне. Протоіерей Петропавловской цер. *П. Альбицкій* и священникъ Крестовоздвиженскаго монастыря *А. Зефировъ*.
25. Рожденіе Государя Императора. Законоуч. учительской женской школы священ. *Зыковъ* и священникъ Вознесенской ц. *А. Вишняковъ*.
26. Нед. 7 я. Живоносное сердце. Священ. *Е. Хитровскій* и священникъ Георгіевской церкви *Н. Авровъ*.

- Іюнь 2. Пятидесятница. Законоучитель Маріинскаго института протоіерей *Н. Спасскій* и священ. кафедральнаго собора *А. Похвалинскій*.
3. День Св. Духа. Протоіерей Архангельскаго собора *П. Никольскій* и священ. гордѣвской церкви *Ө. Миловскій*.
9. Нед. 1-я Всѣхъ Святыхъ. Священникъ Космо-Даміанской церкви *І. Миловскій* и діаконъ Покровской церкви *Н. Виноградовъ*.
16. Нед. 2-я. Священникъ Предтеченской цер. *В. Гагинскій* и діаконъ церкви кадетскаго корпуса *Д. Днѣпровскій*.
23. Нед. 3-я. Священникъ Ильинской церкви *І. Батистовъ* и священникъ Рождественской церкви *С. Плотниковъ*.
29. Апост. Петра и Павла. Свящ. Варваринской церкви *Е. Яковлевъ* и священникъ Трехсвятительской ц. *А. Раевъ*.
30. Нед. 4-я. Священникъ Спасской церкви *Н. Росляковъ* и священникъ больничной ц. *М. Коринскій*.
- Іюль 7. Нед. 5-я. Священникъ спротопитательнаго пріюта *Б. Миловскій* и священ. Сухаревской богадѣльни *А. Бѣляковъ*.
14. Нед. 6-я. Священникъ Николаевской церкви *В. Введенскій* и священ. Зеленогор. монаст. часовни *А. Предтеченскій*.
15. Св. Вел. Кн. Владимира. Свящ. гордѣвской церкви *В. Ариентовъ* и священ. Печерской Слободы *Н. Знаменскій*.
21. Нед. 7-я. Священникъ Мининской богадѣльни *Н. Кесарійскій* и священ. Маріинскаго дѣтс. пріюта *Н. Сицкій*.
22. Тезоименит. Вдовствующей Императрицы. Протоіерей Покровской ц. *Діонисій Листовъ* и священ. Покровской церкви *Н. Листовъ*.

- Июль 25. Препод. Макарія. Протоіерей кафедральнаго собора В. Веселовскій и священ. 2 корпуса М. Троицкій.
28. Нед. 8-я. Срѣтенской церкви священникъ Н. Фаминскій и дворянскаго приюта свящ. А. Преображенскій.
30. Рожденіе Наслѣдника Цесаревича. Протоіерей церкви кадетскаго корпуса М. Добровольскій и священ. Печерской Слободы Ермолаевъ.
- Августъ 1. Происх. древъ Креста Господня. Священникъ Благовѣщенской церкви Модератовъ и свящ. Крестовоздвиженскаго монастыря П. Метальниковъ.
4. Нед. 9-я. Свящ. Владимірской цер. П. Никольскій и свящ. Женъ-Муромосицкой цер. Н. Лавровъ.
6. Преображеніе Господне. Протоіерей Архангельскаго собора А. Некрасовъ и законоучитель губернской гимназіи священникъ П. Политковскій.
11. Нед. 10-я. Свящ. 3-й городской богадѣльни Е. Парійскій и свящ. Спасо-Преображенской кладбищенской церкви Е. Зеленогорскій.
15. Успеніе Пр. Богородицы. Законоучитель учительскаго института священ. П. Алмазовъ и священникъ гордѣвской ц. Н. Львовъ.
18. Нед. 16-я. Священ. Спасо-Преображенской церкви Е. Постниковъ и священникъ Іоанно-Дамаскинской церкви М. Золотницкій.
25. Нед. 12-я. Священникъ Алексѣевской цер. П. Ласточкинъ и свящ. Предтеченской цер. В. Гаинскій.
29. Успыновеніе главы І. Крестителя. Епархіальный миссіонеръ священникъ Н. Покровскій и священникъ Рождественской церкви С. Плотниковъ.
30. Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Законоучитель учительской женской школы свящ. Зыковъ и священ. Троицкой церкви А. Орловъ.
- Сентябрь 1. Нед. 13-я. Свящ. ц. 1-го тюремнаго замка А. Нечаевъ и священникъ Казанскій церкви Н. Орловскій.
8. Рождество Пр. Богородицы. Протоіерей Воскресенской церкви В. Веснитскій и священ. Крестовоздвиженскаго монастыря А. Зефировъ.
14. Воздвиженіе Креста Господня. Протоіерей богадѣленской цер. П. Тихонравовъ и свящ. Вознесенской церкви А. Вишняковъ.
15. Нед. 15-я. Свящ. Слободско-Предтеченской церкви Н. Лузинъ и священ. Воскресенской церкви І. Архангельскій.
22. Нед. 16-я. Свящ. Одигитрѣвской церкви І. Востоковъ и свящ. Маріинскаго приюта Н. Сицкій.
26. Преставленіе Св. І. Богослова. Свящ. Успенской церкви М. Коневскій и свящ. Николаевской церкви В. Хитровскій.
29. Нед. 17-я. Священ. Сергіевской церкви А. Раевскій и священникъ гордѣвской церкви В. Ариентовъ.
- Октябрь 1. Покровъ Пр. Богородицы. Протоіерей Срѣтенской церкви Н. Троицкій и свящ. Владимірской цер. П. Добролюбовъ.
5. Тезоименитство Наслѣдника Цесаревича. Свящ. ц. Кутайсовскаго приюта О. Архангельскій и свящ. Варваринской церкви Е. Яковлевъ.
6. Нед. 18-я. Свящ. ц. Дворянскаго приюта А. Преображенскій и священникъ церкви Сухаревскаго приюта А. Бляковъ.
13. Нед. 19-я. Священ. Крестовоздвиженскаго монастыря П. Метальниковъ и священникъ губ. больничной церкви М. Кориневскій.
20. Нед. 20-я. Свящ. Космо-Даміанской цер. І. Миловскій и Архангельской ц. Дивѣвскаго монастыря свящ. Н. Виноградовъ.
21. Восшествіе на престолъ Государя Императора. Протоіерей церкви земской богадѣльни П. Тихонравовъ и свящ. городской богадѣльни Н. Кесарійскій.
22. Казанской Б. Матери. Протоіерей Воскресенской церкви В. Веснитскій и священ. церкви Сиротопитательнаго приюта Б. Миловскій.
27. Нед. 21-я. Священникъ Казанской церкви Н. Орловскій и священникъ Похвалинской церкви І. Никольскій.
- Ноябрь 1. Св. муч. Космы и Даміана. Протоіерей Николаевской церкви В. Лебедевъ и Крестовоздвиженскаго монастыря священникъ П. Мамонтовъ.
3. Нед. 22-я. Священникъ Троицкой церкви А. Орловъ и свящ. 2-го корпуса М. Троицкій.
10. Нед. 23-я. Свящ. часовни Зеленогорскаго монастыря І. Предтеченскій и свящ. часовни Пидскаго монастыря П. Кориневскій.
14. Рожденіе Вдовствующей Императрицы. Прот. Срѣтенской церкви Н. Троицкій и священ. Благовѣщенской церкви Е. Модератовъ.
17. Нед. 24-я. Свящ. Срѣтенской церкви Н. Фаминскій и свящ. Слободско-Предтеченской церкви Н. Лузинъ.
21. Введеніе во храмъ Пр. Богородицы. Инспекторъ епарх. жен. училища свящ. Лебедевъ и свящ. Одигитрѣвской цер. І. Востоковъ.
24. Нед. 25-я. Свящ. гордѣвской церкви Н. Львовъ и священникъ Николаевской церкви В. Хитровскій.
- Декабрь 1. Нед. 26-я. Священникъ Владимірской цер. П. Добролюбовъ и свящ. Крестовоздвиженскаго монастыря А. Зефировъ.
4. Пр. Іоанна Дамаскина. Инспекторъ семинаріи протоіерей Г. Муринъ.
6. Тезоименитство Государя Императора. Законоучитель Маріинскаго женскаго института Н. Спасскій и священникъ Спасо-Преображенской кладбищенской ц. Е. Зеленогорскій.
8. Нед. 27-я. Священ. Іоанно-Дамаскинской церкви М. Золотницкій и священ. часовни Зеленогорскаго монастыря Предтеченскій.

- Декабрь 15. Нед. 28-я. Иоанно-Богословской церкви Бутайсовскаго пріюта священникъ *Θ. Архангельскій* и церкви Маріинскаго пріюта свящ. *Н. Сицкій*.
22. Нед. 29-я. Протоіерей Вознесенской церкви *М. Кудрявцевъ* и священ. цер. Дивѣвскаго подворья *Н. Виноградовъ*.
25. Рождество Христово. Законоучитель губер. гимназіи *П. Политковскій* и свящ. Крестовоздвиженскаго монастыря *Н. Мамонтовъ*.
29. Нед. 30-я. Законоучитель епар. женскаго училища свящ. *Лебедевъ* и свящ. Крестовоздвиженскаго монастыря *П. Метальниковъ*.

Исп. долж. благочиннаго 3 округа ардатовскаго уѣзда резолюціею Его Преосвященства назначенъ священникъ села Успенскаго, ардатовскаго уѣзда, Николай Соколовъ.

Утвержденіе въ должности церковнаго старосты.

Епархіальнымъ начальствомъ утверждены въ должности церковнаго старосты къ церквамъ селъ: Тубанавки, васильскаго уѣзда, *Θеодоръ Ивановъ Галкинъ*, Чапарь, арзамасскаго уѣзда, *Николай Петровъ Шишкинъ*, Вонячки, того же уѣзда, *Александръ Ананьевъ Пчелинъ*, Постыкова, того же уѣзда, *Павель Егоровъ Перячевъ*, Кочкарей, лукояновскаго уѣзда, *Григорій Прокошіевъ Константиновъ*, Дивѣва, ардатовскаго у., *Григорій Андреевъ Коробовъ*, Степанова, арзамасскаго уѣзда, *Василій Степановъ Кузнецовъ*, Ближняго-Константинова, нижегородскаго уѣзда, *Герасимъ Георгіевъ Мельниковъ*, Ключищъ *Андрей Евфимовъ Перевезенцевъ*, Орѣховца, ардатовскаго уѣзда, *Θеодоръ Васильевъ Десяткинъ*, Мисюрихи, княгининскаго уѣзда, *Иванъ Ивановъ Даринъ*, Тихвинской с. Кекина, васильскаго уѣзда, *Димитрій Ивановъ Кучкинъ*, Маклакова, того же уѣзда, *Семень Егоровъ Самышевъ*, Силина, ардатовскаго уѣзда, *Григорій Михайловъ Быстровъ*.

Перемѣны по службѣ.

Назначены: 1) бывшій псаломщикъ села Апраксина *Владиміръ Румянцевъ* въ Иванцево 22 декабря; 2) псаломщикъ нижегородской Знаменской церкви *Александръ Успенскій* на діаконское мѣсто въ Богоявленье 22 декабря.

Уволены за штатъ: 1) священникъ села Кужендѣва *Александръ Вилковъ* 21 декабря; 2) п. д. псаломщика села Кергудъ *Михаилъ Троицкій* принять въ военную службу въ октябрь 1912 года.

Присоединены отъ старообрядчества къ православію: крестьянинъ д. Улыбина *Викулъ Гусевъ*, Марѳа *Копытина*, дѣти ихъ: *Григорій*, *Екатерина*, *Леонтій* и *Θеодоръ*, крестьянинъ д. Огибнова *Иванъ Майоровъ*, мѣщанка г. Семенова *Александра Шарыгина*, крестьянская дѣвица д. Чегодаева *Татіана Сахарова*, крестьянская дѣвица с. Бурцева *Татіана Козлова*, крестьянинъ с. Елховки *Иванъ Коминъ*, *Михаилъ Хонинъ* и *Андрей Брешкинъ*, крестьянская дѣвица д. Конновки *Евдокія Серебрякова*, крестьянинъ д. Шерстина *Григорій Гурьяновъ*, крестьянскія дѣвицы д. Растипина *Анна Бармина*, д. Бабина *Елизавета Сахарова*, крестьянинъ д. Моксихи

Андрей Гулинъ, дѣти его: *Наталія*, *Иванъ*, *Θеодоръ*, *Стефанъ*, *Любовь*, крестьяне с. Новаго-Усада *Василій Малюнинъ*, *Александра Митрофанова* и *Анастасія Хихинина*, крестьянки д. Касанова *Евдокія Ломилова*, д. Красной-Горки *Антонина Барскова*.

Отъ Государственнаго банка ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ виду истеченія 2 января 1913 г. срока послѣднему купону при 4% свидѣтельствахъ Крестьянскаго Поземельнаго банка XI выпуска, свидѣтельства эти будутъ обмѣны, начиная съ 2 января на новыя тѣхъ же достоинствъ и за тѣми же нумерами, съ купонами со срока 1 юля 1913 г. на нижеслѣдующихъ основаніяхъ.

1. Операция обмѣна будетъ сосредоточена въ С.-Петербургской конторѣ Государственнаго банка, въ прочихъ же учрежденіяхъ банка, а также въ казначействахъ будетъ открытъ пріемъ заявленій на обмѣнъ 4% свидѣтельствъ для отсылки ихъ въ с.-петербургскую контору, при чемъ за пересылку какъ старыхъ свидѣтельствъ изъ учрежденій банка и казначействъ въ с.-петербургскую контору, такъ и новыхъ изъ с.-петербургской конторы въ подлежащія учрежденія никакой платы взимаемо не будетъ.

Что же касается расходовъ по пересылкѣ свидѣтельствъ изъ учрежденій банка и казначействъ владѣльцамъ по ихъ мѣстожительству, то таковыя будутъ относимы на счетъ владѣльцевъ.

2. Въ пріемѣ свидѣтельствъ будутъ выдаваемы пшеничныя контрмарки, безъ права перепродажи.

3. Выдача новыхъ свидѣтельствъ въ С.-Петербургѣ будетъ производима въ послѣдовательномъ порядкѣ поступленія старыхъ свидѣтельствъ, по истеченіи не свыше одного мѣсяца со дня представленія ихъ къ обмѣну, въ прочихъ же учрежденіяхъ — по мѣрѣ полученія новыхъ свидѣтельствъ изъ С.-Петербурга.

4. 4% свидѣтельства, находящіеся въ конторахъ и отдѣленіяхъ банка во вкладахъ на храненіе, въ залогахъ по ссудамъ и въ обезпеченіи кредитовъ по специальному текущему счету, а равнымъ образомъ таковыя же свидѣтельства, находящіеся во вкладахъ на храненіе въ казначействахъ и въ сберегательныхъ кассахъ, будутъ обмѣнены безъ особыхъ заявленій вкладчиковъ и заемщиковъ и безъ какихъ-либо для нихъ расходовъ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Къ трехсотлѣтію царствованія Дома Романовыхъ.

Вся многомилліонная Россія сольется воедино въ предстоящемъ національномъ торжествѣ, благодарственно воспоминная тѣ великія историческія заслуги вѣны царствующей Богомъ хранимой династіи, благодаря которой создано, окрѣпло и возвеличилось Русское государство. Намъ, согражданамъ великаго Минина и потомкамъ участниковъ „нижегородскаго подвига“, это

всероссійское торжество должно быть особенно близко и дорого. Привести себя на память главнѣйшіе моменты воспоминаемаго событія составляетъ, поэтому, нашъ нравственный долгъ.

На рубежѣ XVI и XVII в. Московское государство пережило ту эпоху, которая носитъ названіе „Смутнаго времени“, которая, по справедливому замѣчанію одного историка, всколыхнула жизнь до самаго основанія и показала, съ одной стороны, возможную глубину паденія, съ другой, всю высоту религіознаго и національнаго подъема древней Руси. Что переживала русская земля въ это время? Вся западная часть государства была въ рукахъ враговъ: Новгородъ находился въ рукахъ шведовъ, Смоленскъ и прилегающія къ нему мѣстности—въ рукахъ поляковъ, весь югъ Московскаго государства былъ разоренъ. Куда ни обращался взоръ, на западъ, югъ, центръ государства—вездѣ казалась гибель, вездѣ торжествовалъ врагъ внѣшній или внутренній. Все общество чувствовало необходимость выйти изъ своего ужаснаго состоянія, но не находило въ себѣ ни силъ, ни способовъ сдѣлать это. „Отъялъ Господь сильныхъ земли“, говорятъ лѣтописцы, описывавшіе это время. Въ странѣ не было уже государственныхъ формъ жизни, все было разрушено и это разрушенное нужно было снова создавать. Эту задачу, какъ мы знаемъ, отчасти выполнилъ нашъ родной Нижегородскій край ¹⁾, когда Нижній-Новгородъ, по инициативѣ и подъ руководствомъ нашего гражданина, Козьмы Минина, сдѣлался земскимъ центромъ, стянувшимъ къ себѣ силы всего государства, объединившимъ вокругъ себя широкіе круги московскаго общества и подъявшимъ общественный духъ. Результаты этого подвига были громадны. Силами самого народа возсозданъ былъ рухнувшій государственный порядокъ и создано было національное правительство, національная династія. Нижегородскій подвигъ, по словамъ С. Θ. Платонова, есть такой примѣръ для подражанія, который мы могли бы съ величайшей пользою усвоить для нашего времени и передать въ руководство нашимъ дѣтямъ.

1) Родословіе Дома Романовыхъ.

Генеалогическія данныя о родоначальникѣ Дома Романовыхъ не всѣ отличаются историческою достоверностію, многія изъ нихъ не лишены легендарнаго характера. Такова, напр., легенда, записанная въ „Генеалогически-хронологической исторіи Всесвѣтлѣйшаго Дома Романовыхъ“, составленной барономъ Кампенаузенемъ въ 1705 г. По этой исторіи „Первый водворившійся въ Россіи родоначальникъ прародительскаго рода Романовыхъ былъ Пруско-Самогитскій князь или державецъ по имени Гландаль (или Гланда) Камбила Дивоновичъ, происходившій отъ древнѣйшихъ языческихъ Пруско-Литовско-Самогитскихъ царей, князей или державцевъ... Въ послѣдней четверти XII в. онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ въ Россію и здѣсь въ 1287 г. былъ крещенъ съ именемъ Іоанна. Его сынъ, названный въ Россіи Андреемъ Ивановичемъ Камбилою (а искаженно—Кобыла или Кобыла), оставилъ послѣ себя многочисленное потом-

ство, которое по прозвищамъ его и его отца получило названіе рода Кабылиныхъ или Кобылинныхъ“. Эта легенда о прусскомъ происхожденіи родоначальника Романовыхъ пользовалась большимъ довѣріемъ въ нашей древней письменности XVI—XVII в. Въ настоящее время историческою критикою ея достоверность подвергнута, и она признается павной басней. Тѣмъ не менѣе въ ней есть историческое зерно. Несомнѣнъ фактъ, что въ XIV в. при дворѣ московскаго князя Іоанна Калиты былъ бояринъ Андрей Ивановичъ Кобыла, родоначальникъ Колычевыхъ, Кошкиныхъ, Захарьиныхъ, Шереметевыхъ и многихъ другихъ родовитыхъ семействъ московскаго боярства и дворянства. Этому боярину въ 1347 г. поручено было съѣздить за невѣстой великаго московскаго князя Симеона Гордаго, тверской великой княжной Маріей Александровной, и вскорѣ послѣ того онъ былъ отправленъ въ Тверь воеводою. Потомки Андрея Ивановича стали близко къ трону московскихъ князей и выполняли важныя государственныя порученія ихъ. Такъ, его сынъ, Ѳеодоръ Андреевичъ Кошка, служилъ при великихъ князьяхъ Димитріи Іоанновичъ Донскомъ и сынъ его, Василій 1-мъ, Димитрій Іоанновичъ Донской предъ отправленіемъ въ походъ противъ Мамаея въ 1380 г. назначилъ его воеводою въ Москвѣ и поручилъ ему блюсти столицу и свое семейство. Въ 1389 г. онъ былъ избранъ умирающимъ Димитріемъ, въ числѣ девяти вельможъ, совѣтникомъ юнаго наследника московскаго престола, Василія Дмитріевича. Въ 1391 г. Ѳеодоръ Андреевичъ породнился съ владѣтельнымъ домомъ Юрика, выдавъ дочь свою, Анну, за князя тверскаго Ѳеодора Михайловича. Въ княженіе великаго князя Василія 1-го имя Ѳеодора Андреевича также упоминается нерѣдко въ числѣ первыхъ совѣтниковъ московскаго князя. Такъ, въ 1393 г. этотъ знаменитый бояринъ въ качествѣ великокняжескаго посла усмирить возмущившійся Новгородъ. Имя его извѣстно было даже въ Ордѣ. Мурза Эдигей въ своей укорительной грамотѣ къ великому князю пишетъ: „Добрыя нравы и добрая дума и добрыя дѣла были къ Орде отъ Ѳеодора отъ Кошки—добрыи были челоуѣкъ“...

Потомство Ѳеодора Андреевича было не менѣе славно. Изъ трехъ его сыновей, Ивана, Ѳеодора Голтяя и Александра Беззубца ²⁾, болѣе извѣстенъ первый, служившій при в. кн. Василіи Дмитріевичѣ въ качествѣ казначея и пользовавшійся не только довѣренностію, но и дружбою великаго московскаго князя.

Сынъ Ивана „казначей и любовникъ“ великаго князя Захарія Ивановичъ, родной прадѣдъ царицы Анастасіи и пращуръ царя Михаила Ѳеодоровича, служилъ при преемникѣ Василія 1-го Василіи Темномъ бояриномъ и большимъ воеводою. Его имя отмѣчено въ лѣтописномъ разказѣ объ извѣстной ссорѣ во время свадьбы Василія Темнаго по поводу похищенія золотого пояса, оказавшагося на Василіи Косомъ.

Дѣти Захарія, знаменитые бояре и воеводы Яковъ и Юрій Захарьичи Кошкины, упоминаются въ лѣтописяхъ въ княженіе Іоанна Васильевича III. Старшій

¹⁾ См. нашу статью въ Н. Ц.-О. В. 1911 г., №№ 32, 33 и 34.

²⁾ Отъ внука его Андрея Шеремета произошли знаменитые бояре Шереметевы, потомки которыхъ раздѣлились на двѣ вѣтви—графовъ Шереметевыхъ и дворянъ Шереметевыхъ.

изъ нихъ, Яковъ Захарьевичъ, былъ выдающійся администраторъ, воевода и намѣстникъ нѣсколькихъ важныхъ городовъ. Младшій братъ его, Юрій Захарьевичъ—дѣдъ царицы Анастаси — былъ нѣкоторое время намѣстникомъ великаго Новгорода во время разслѣдованія ереси жиждетствующихъ и принималъ участіе въ двухъ походахъ подъ Казань въ качествѣ воеводы одного изъ полковъ.

Изъ сыновей Юрія Захарьевича особенно выдѣляется старшій—Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ-Кошкинъ, родной дядя царицы Анастаси. Онъ прославился на дипломатическомъ поприщѣ въ переговорахъ съ прѣзжими посланцами, въ качествѣ воеводы и какъ думный бояринъ. Великій князь Василій III приблизилъ его къ себѣ въ качествѣ довѣреннаго боярина. Другой братъ Михаила Юрьевича, Романъ Юрьевичъ, околичничій и воевода царя Иоанна Васильевича Грознаго, былъ отецъ царицы Анастаси Романовны, первой супруги царя Иоанна IV. Изъ его дѣлнй льтописецъ отмѣчаетъ время воеводства Романа Юрьевича въ 1530-хъ годахъ въ *Нижнемъ-Новгородѣ*.

Дѣти Романа Юрьевича: Даниилъ, Долмать, Никита, Анна и Анастасія съ матерью своею, боярыней Гулянией, по смерти отца, остались жить въ Москвѣ. Дети воспитывались въ строгомъ благочестіи и въ здоровой нравственной атмосферѣ. Будущая царица Анастасія росла скромной и тихой дѣвочкой, обращала на себя вниманіи красотой и умомъ. Замѣчательно, что св. Гевнадій, костромской чудотворецъ, предсказалъ матери Анастаси, Гуляни, что дочь ея будетъ *первою* царицею въ Русскомъ государствѣ. Предсказаніе это сбылось, и благочестивая Анастасія Романовна всегда питала особенное усердіе и благоговѣніе къ этому угоднику. Когда Иоаннъ Васильевичъ въ 1547 г. вздумалъ жениться и, согласно обычаю того времени, произвелъ смотрѣ собранныхъ въ Москву со всего государства невѣстъ, выборъ его остановился на Анастаси Романовнѣ. Выборъ оказался необыкновенно удаченъ. Надѣленная всеми женскими добродѣтелями и необыкновенною красотой, Анастасія Романовна въ продолженіе тринадцати лѣтъ имѣла самое благотворное вліяніе на пылкій характеръ государя. Внѣшнениій супругъ „всѣмъ сердцемъ привязался къ доброй, ласковой, щедрой, милостивой, кроткой и обаятельной юницѣ“. Она была тѣмъ „предобрѣмъ сокровищемъ“, которое „какъ свѣтлый бисеръ или афраксъ, камень драгій“ „позобрѣте себѣ“ опальчивый и гнѣвливыи царь Иоаннъ Васильевичъ. Лѣтописецъ говоритъ: „предобрая Анастасія наставляла и проводила Иоанна на всякія добродѣтели“. Дѣйствительно, самая лучшая пора царствованія Иоанна Грознаго совпадаетъ съ временемъ жизни его супруги, когда онъ съ своей „избранной радой“ совершилъ цѣлый рядъ государственныхъ дѣлъ внутренней и внѣшней политики. Въ 1560 г. 7 августа царица Анастасія скончалась. Смерть ея сильно подѣйствовала на царя. „Заливаясь слезами и громко рыдая, шелъ онъ за гробомъ своей „юницы“, поддерживаемый подъ руки своими приближенными“. Непрнтворными и горькими слезами плакали и сопровождавшія гробъ толпы народа. Съ кончиною царицы Анастаси Романовны началась перемѣна не только въ характеръ Иоанна, но и государственное управленіе приняло другой видъ. Въ настоящее время многіе историки ставятъ въ связь съ

смертью царицы даже ненормальный процессъ развитія опричнины, выразившійся въ неслыханныхъ жестокостяхъ, которыя могли не имѣть мѣста при жизни царицы.

Совершенно естественно, что близкое родство съ царемъ возвысило домъ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ. Члены этого дома съ этого времени являются всюду на первыхъ государственныхъ мѣстахъ и становятся приближенными совѣтниками Иоанна Васильевича. Большая часть изъ нихъ ознаменовала себя важными заслугами государству на военномъ и гражданскомъ поприщѣ. Такъ, старшій братъ Анастаси Романовны, Даниилъ, игралъ видную роль въ первую половину царствованія Иоанна Грознаго и былъ бояриномъ и дворецкимъ.

Но изъ всѣхъ братьевъ царицы особую любовь и расположеніе царя и народа пріобрѣлъ младшій, Никита Романовичъ, дѣдъ царя Михаила Феодоровича. Онъ рано получилъ доступъ къ царскому двору. Иоаннъ Васильевичъ приблизилъ его къ себѣ и сдѣлалъ околичничимъ, бояриномъ и дворецкимъ, пользуясь его благотворнымъ вліяніемъ наравнѣ съ своей супругой. Изъ его государственныхъ заслугъ нужно отмѣтить многочисленные его военные походы въ качествѣ воеводы въ войнѣ съ Швеціей, въ казанскомъ походѣ, въ ливонской войнѣ, въ литовскомъ походѣ и др. Въ качествѣ администратора Никита Романовичъ пріобрѣлъ извѣстность, какъ главный начальникъ надъ сторожевою и станичною службою Московскаго государства, въ которой ввелъ многія улучшенія. Къ тому же Никита Романовичъ былъ баснословно богатъ; народная пѣсня называетъ его „славнымъ и богатымъ“, которому царь пожаловалъ „погребъ злата и сребра“.

Умирая, царь Иоаннъ Васильевичъ избралъ Никиту Романовича въ члены Верховной Думы, при наследникѣ престола Феодорѣ Иоанновичѣ, вмѣстѣ съ Мстиславскимъ, И. Шуйскимъ, Годуновымъ и Бѣльскимъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что родному дядѣ молодого царя по смерти Грознаго принадлежало право первенства въ дѣлахъ государственнаго управленія, какъ умудренному государственнымъ опытомъ, даровитому и заслуженному боярину. Въ 1585 г. Никита Романовичъ скончался, предъ смертью принявъ чинъ иноческій съ именемъ Нифонта.

Такова въ общихъ чертахъ исторія родоначальниковъ нынѣ царствующаго Дома Романовыхъ. Мы видимъ, что всѣ они „въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ вѣрой и правдой служили князьямъ собирателямъ Руси, знали ихъ думу, выполняли ихъ волю и способствовали ихъ великому дѣлу. Породнившись съ угасающей династіей, бояре Романовы-Захарьины-Юрьевы-Кошкины оказались на высотѣ положенія. Кроткая царица Анастасія Романовна была добрымъ гениемъ своего царственнаго супруга, а ея братъ, умный и добрый бояринъ Никита Романовичъ, былъ вѣрнымъ другомъ, совѣтникомъ и слугою Грознаго, но не унизился до роли его потатчика и лѣстца. И, конечно, Романовымъ принадлежало историческое право наследовать той династіи, которой они вѣрно служили и съ которой близко породнились“.³⁾

О. Е.

(Продолженіе будетъ).

³⁾ Васенко. Начало династіи Романовыхъ.

Поѣздка на Іордань.

Изъ дневника сериачскаго паломника-туриста.

(Окончаніе).

Измученный непомѣрно, съ одеревѣвшими отъ непривычной ѣзды въ сѣдлѣ ногами, сталъ я слѣзать съ своего ослика, но, запутавшись ногой въ стремя, грохнулся о землю, хотя, спасибо, съ небольшой высоты и потому не ушибся. Какіе-то незримые люди вслѣдствіе неловкости моей захохотали въ непроглядной тьмѣ ночной. Досада.

Страннопріимница—двухъэтажное зданіе съ парными окнами (по два окна рядомъ) и съ наружною лѣстницею во второй (дворянскій) этажъ, куда мы и поднялись. Внутри, поперекъ всего зданія приемный залъ, а въ обѣ стороны изъ него идутъ корридоры съ номерами. Номера эти очень чисты и опрятны. На тюфякахъ и подушкахъ бѣлосѣрное бѣлье съ бѣлыми кисейными занавѣсками у каждой постели отъ скнипъ, певидимыхъ, почти микроскопическихъ мушекъ, отъ укуса коихъ, однако, всакиваютъ на тѣлѣ сильно зудящія волдыри величиною съ горошину.

Прибыли мы сюда въ часъ пополудни. Походили малость по залу, поразмялись, закусили, кто чѣмъ запасся и разошлись по номерамъ на покой, но... не надолго.

Едва забрезжилось утро, какъ началась безцеремонная ходьба по корридорамъ и постукиванье въ двери, какъ знакъ къ вставанью и снаряженію въ дальнѣйшій походъ. Встрепенулись мы съ сожителемъ моимъ неизмѣннымъ, степенно умылись, собрались и вышли на волю, но... оказалось, караванъ нашъ опять ушелъ, и слѣдъ его простылъ. Было 5 ч. у. Даже о направленіи пути спросить было некого, да и некогда. И проводника у насъ даже не оказалось почему-то. Нечего дѣлать, пришлось отправиться совершенно наугадъ, но всетаки, слава Богу, не ошиблись.

По выѣздѣ изъ Іерихонской мѣстности къ востоку и пробѣжавши мимо древнихъ громаднхъ аркъ водопровода, направились мы межъ кустарниковъ, напоминающихъ нашъ можжевельникъ (тамариски). Погоняемъ, елико возможно, нашихъ упрямыхъ и своеправныхъ осликовъ, не очень-то подчиняющихся непонятному для нихъ понуканію иностранцевъ (здѣсь, напр., вмѣсто „ну“ кричатъ „пру-у-у“, и ослики при такомъ окрикѣ прибавляютъ шагъ). Но, вотъ, вдругъ слышимъ изъ кустовъ сильный плачь, съ крикомъ отчаянія голосащій: „Караулъ!!! Батюшки, православные христіане, помогите!!!“ Оказалось, это вопить старуха-паломница изъ нашего каравана, которую усадили на дамское сѣдло изъ-подъ барышни, надѣждавшей вчера мнѣ своимъ визгомъ на пути къ Іерихону, переѣздившей вслѣдствіе сего въ иное сѣдло по-мужски, а дали ей осла съ одной цѣпочкой отъ уздечки, вмѣсто повода. Управлять осликомъ въ такомъ случаѣ надо умѣючи. Воспользовавшись неопытностію старушенки, осликъ отошелъ отъ каравана и забрался въ кусты пощипать кое-какого былія. Старушка сладить съ нимъ никакъ не могла. Крючковатыя иглы кустарника тербели ея платье и царапали ей ноги. Караванъ ушелъ, и она осталась одинокой въ чужой, невѣдомой

странѣ, да еще басурманской... И что было бы съ ней, дѣйствительно, если бы не подвернулись мы?... Мы съ великимъ успіемъ догнали караванъ, странно, не замѣтившій пропажи челоуѣка, остановили его и послали выручать старуху. Присоединившись къ каравану, старушка съ справедливымъ негодованіемъ говорила плачевнымъ голосомъ: „Какіе, право: дали мнѣ дамское сѣдло, а на кой прахъ мнѣ оно? Бѣхала бы въ немъ сама справившая его себя“.

Стали спускаться въ огромную открытую долину, разстилающуюся впереди къ Востоку, по коей извищается Іорданъ, по берегамъ своимъ окаймленный густымъ зеленѣющимъ кустарникомъ. Бѣжить онъ съ сѣвера на югъ въ Мертвое море, отчетливо видѣющаеся вправо. По ту сторону рѣки, вдоль ея тянется хребетъ Моавитскихъ горъ, а параллельно имъ, сзади насъ, возвышаются горы Іудейскія, съ горою Испыщенія (Сорокодневною) влѣво отъ насъ. Между тѣми и этими горами вереть на 10—15 въ ширину разстлана долина Іорданская.

Посреди пути, между Іерихономъ и Іорданомъ (6 вереть), въ пустынѣ на долину одиноко стоитъ монастырь Предтечи Господня. Онъ недавно только возстановленъ патриархомъ Никодимомъ на развалинахъ монастыря того же наименованія, основаннаго во 2-мъ вѣкѣ по Р. Х. Монастырь этотъ своимъ вѣнчимъ видомъ напоминаетъ укрѣпленный замокъ, съ высокой зубчатой стѣной, съ дозорной башней на углу оной и возвышающимся храмомъ посредины монастыря. Подѣхавши къ нему, попросили прислать къ намъ на Іорданъ монаха со свѣчами и со всемъ потребнымъ для водосвѣтія. Находясь въ пустынѣ, монастырь содержаніе себѣ получаетъ отъ патриархіи, а струйка кристаллической воды бѣжить въ него изъ источника Елисеѣва, по проложеннымъ прямо по землѣ черепичнымъ желобкамъ. Отъ монастыря до Іордана 4 версты къ востоку.

Тронулись далѣе по совершенно голой долинѣ, безъ всякаго слѣда растительности. По мѣстамъ почва отъ дѣйствія вѣсныхъ водъ изрыта неглубокими оврагами. Нашъ бедуинъ и съ конемъ своимъ въ восторгѣ отъ рѣдкостнаго для здѣшнихъ мѣстъ раздолья долины, принялся съ гикомъ рыскать вокругъ каравана, махая надъ головою своей ружьемъ, при чемъ плащъ его сильно развѣвался, по-временамъ выкрикивая: „Карошъ, Московъ, карошъ?“ и мужички благодушно вторили ему, говоря: „Хорошо, хорошо, молодецъ“!

Къ берегу Іордана подъѣхали въ 7 ч. у. Ширину онъ саж. 30. Вода очень быстра и мутна. Говорятъ, что въ мѣстахъ бродовъ чрезъ нея даже конь едва удерживается на ногахъ. Берегъ, гдѣ мы пристали, совершенно голый и пыльный, д. б. вытоптанный ногами безчисленныхъ каравановъ, останавливающихся здѣсь. Хочется бы присѣсть и протянуть свои члены, оставившія отъ непривычной ѣзды верхомъ, но безъ подстилки не всякій на это рѣшается. Іорданъ по обѣ стороны по берегамъ покрытъ зарослью громаднхъ (саж. по двѣ вышиной) олеандровъ въ полномъ цвѣту, душистыхъ бѣлыхъ акацій, тамарисковъ и другихъ кустарниковыхъ деревьевъ. Тянетъ въ тѣни ихъ прохладиться, но дѣлать это настойчиво не совѣтуютъ, т. е. случается, что въ заросли эти проникаютъ тигры,

барсы и т. п. хищники, подстерегая себя добычу. Нечего дѣлать, пришлось оставаться на безопадной солнечной утѣ.

О. прот. Мих—скій при нашемъ соучастіи совершилъ водосвятіе, уставивши чашу съ водой на изгибѣ одиноко стоящаго на берегу рѣки дерева. Испивши освященной водицы, мы разошлись для купанія въ рѣкѣ. Вода въ ней до того тепла, что, погружаясь въ нее, почти не чувствуешь прохлады. Между тѣмъ солнце немилосердно жжетъ открытыя головы купающихся, и потому, во избѣжаніе солнечнаго удара, приходится безпрестанно поливать ихъ водой или накрывать мокрымъ полотенцемъ. Нѣкоторые при купаньи обвивали свое тѣло новымъ бѣлымъ коленкоромъ или понадѣвали заготовленные на сей случай новыя бѣлыя сорочки, дабы, освятивши ихъ погруженіемъ въ воды Иорданскія, приберечь на день своей кончины. Отъ купанья, изнемогшее отъ зноя, тѣло почти никакой отрады не чувствовало. Со дна рѣки мы набрали себѣ на память камешковъ.

При настоящемъ случаѣ самъ собой возникаетъ вопросъ: въ коемъ подлинно мѣстѣ крестился Христосъ? При рѣшеніи его греки говорятъ, что крестился Овъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы купались; латиняне утверждаютъ, что крещеніе это совершилось версты на двѣ повыше; третьи же доказываютъ, что крещеніе произошло и не здѣсь и не тамъ, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится монастырь Предтечи, по всей вѣроятности, первоначально (во 2-мъ вѣкѣ) построенный на берегу Иордана для увѣковѣченія памяти о мѣстѣ крещенія Христова. А затѣмъ, въ теченіе вѣковъ по настоящее время Иорданъ, постоянно мѣняющій свое русло, отошелъ отъ монастыря версты на 4 въ востокъ, къ тому мѣсту, гдѣ мы искупались.

Въ 9 ч. у. отирались мы обратно до монастыря Предтечева, чтобы провести въ немъ *варъ дне*. Проникли мы въ него сквозь узкую укрѣпленную дверь, за которой оказался крохотный дворикъ, мощеный плитами. Съ него поднимается лѣстница на высокую террасу—второй этажъ монастыря, занимающую всю свободную небольшую внутренность обители, тоже замощенную плитнякомъ. Здѣсь посрединѣ возвышается храмъ, подъ коимъ, въ нижнемъ этажѣ обители, находятся остатки стѣнъ первоначальнаго Предтечева храма, въ натуральномъ видѣ. Въ верхнемъ храмѣ совершили мы благодарственное Господу Богу пѣніе за благополучное достиженіе нами дальнѣйшей и труднѣйшей цѣли нашего странствія, а сошедши внизъ его, проѣли тропарь Предтечѣ Христову.

По обѣ стороны храма устроены кельи, окна коихъ защищены солидными желѣзными рѣшетками. Помѣстившись въ кельяхъ лѣвой стороны (сѣверной), принялись мы пить чай съ непостижимой жадностью. Выпилъ я его безмѣрное количество, но всетаки утроба моя осталась недовольно насыщенной. Таково дѣйствіе здѣшней упеки солнечной и истомы путевой. Не мало, конечно, въ этомъ случаѣ значила и чудная вода, проведенная сюда изъ „Источника Елѣсѣева“. Прислуживалъ намъ 90-лѣтній, но довольно еще бодрый монахъ, родомъ изъ томской губ., прожившій въ Палестинѣ уже близъ 60 лѣтъ.

Напившись чаю съ булкой, я съ наслажденіемъ легъ на голыхъ прохладныхъ плитахъ въ тѣни храма. Въ это время нѣкоторые изъ спутниковъ нашихъ взидали въ виднѣвшуюся недалеко къ югу (4 в.) обитель преп. Герасима „уже на Иорданѣ рѣцѣ“. Издали она имѣетъ видъ какъ бы маленькаго форта въ открытой безжизненной пустынѣ. Не даромъ же она просуществовала въ теченіе многихъ вѣковъ до настоящаго времени. Встрѣтила она паломниковъ съ распростертыми объятіями, т. е. рѣдко приходится ей бѣдной видѣть у себя, особенно дорогихъ въ пустынь жительство, гостей.

По отъѣздѣ изъ Предтечева монастыря караванъ нашъ раздѣлился на двое: небольшая часть его во главѣ съ офицеромъ, гостемъ консула, набрала себѣ путь черезъ „Сорокодневную гору“ и запропастившуюся въ горахъ древнюю обитель преп. Иоанна Хозевита и взяла путь вправо. Мы не послѣдовали за ними, опасаясь невыносимой духоты въ спертыхъ бездонныхъ ущельяхъ горъ. Измучившись повздохомъ сюда, я просто въ ужасѣ приходилъ, когда помышлялъ объ обратномъ пути и отчаивался добратся до Иерусалима и по пройденной уже, хотя нѣсколько знакомой теперь, дорогѣ. Вѣроятно, и многіе другіе изъ паломниковъ были относительно даннаго вопроса одного взгляда сомной, потому что не отдѣлились отъ нашего каравана. Но вотъ бѣда наша: съ отдѣлвившимися отъ насъ паломниками повхалъ и кавасъ нашъ, покинувши насъ на опеку одного лишь нашего бедуина. Куда-какъ непріятнымъ показалось намъ это. Впрочемъ, люди бывалые усноковали насъ, говоря, что нынѣ отъ бедуиновъ обиды не слыхать, потому что турецкое правительство стало раздѣлываться съ ними слишкомъ просто и безцеремонно. Такъ, напр., года 4 тому назадъ бедуины въ горахъ на пути въ Иерихонъ напали на четверыхъ русскихъ паломниковъ, шедшихъ безъ провожатыхъ, и обидѣли ихъ жестоко. Когда сообщено было объ этомъ іерусалимскому губернатору, то оный, недолго думавши, послалъ взводъ жандармовъ съ приказаніемъ вырѣзать изъ числа жителей табора, совершившаго злодѣяніе, кто попадется, съ предоставленіемъ населенію права самимъ разобраться, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ. Такіе судъ и расправа надолго потомъ удерживаетъ вольницу отъ разбоевъ.

Прѣхавши въ Ерихо часовъ въ 8 в., выпили по стакану самодѣльнаго краснаго вина вмѣсто квасу и, закусивши кое-какъ по предварительному заказу приготовленной куриной похлебки, немедля успокоились благодатнымъ сномъ.

Въ 12 ч. н. выѣхали изъ Ерихо, котораго въ оба раза я такъ и не замѣтилъ. Видѣлъ только въ разныхъ мѣстахъ 2—3 зданія подобныхъ нашей страннопріимницѣ и нѣсколько крайне убогихъ и невзрачныхъ хижинъ, похожихъ скорѣе на звѣривую берлогу. Вотъ и все, что осталось въ моей памяти отъ значительнаго въ древности города. На дворѣ Антоновичевской гостиницы съ изумленіемъ наблюдали мы образецъ плодородія здѣшней почвы—виноградные грозды, по громадности своей живо напоминашіе намъ грозды, во время оно принесенныя еврейскими согладатаями изъ Иерихона въ ставъ ихъ. Эти грозды изобильно висѣли надъ нашими головами въ недосыгаемой вышинѣ, свѣ-

шиваясь со сплошного рѣшетника двора, какъ съ потолка, подпертаго стояками. Умилно поглядывали мы на этотъ роскошный виноградъ и съ вождѣніемъ желали бы полакомиться имъ, но онъ, согласно Крыловской баснѣ, оказался зеленъ.

Предъ отъѣздомъ предложена была намъ книга для росписки въ ней, кто пожелаетъ. вмѣстѣ съ другими и я оставилъ память о своей персонѣ своимъ автографомъ...

Къ нашему каравану присоединилось нѣсколько мѣстныхъ женщинъ, питавшихъ къ намъ полную довѣренность относительно безопасности ихъ въ пути. Теперь ѣхать было почему-то прохладно. Попался навстрѣчу намъ караванъ нагруженныхъ верблюдовъ. Проводники ихъ все съ ружьями, кои держать на плечахъ своихъ за дуло, точно дубины.

Проѣхали по самому краю пропасти, на днѣ коей скрывается обитель Хозевита. Заглянувши въ нее, я живо отшатнулся назадъ, опасаясь головокруженія.

Гдѣ-то наступъ овецъ грубо горланилъ, протягивая къ нашему каравану руку и махая надъ головой своимъ ружьемъ; но проводникъ нашъ скоро осадилъ его, прокричавши ему что-то по-своему.

Домой прибыли благополучно и довольно бодрыми, въ 7 ч. у., тогда какъ вчера, измаявшись, положительно приходилъ я въ ужасъ при мысли о возвращеніи сюда.

Съ проводникомъ своимъ по условленной цѣнѣ (по 4 руб. съ персоны) расплатился я русскими бумажными деньгами, принятыми имъ съ удовольствіемъ, т. е. здѣсь уважаютъ ихъ лучше, чѣмъ всякое золото, между тѣмъ какъ турецкія ассигнаціи ни по чему не берутъ. По пріѣздѣ моемъ въ Иерусалимъ какой-то жидокъ размѣнилъ мнѣ 100 руб. кредитками и далъ за нихъ 110 руб. мелкаго русскаго серебра. Мужички съ изумленіемъ говорили мнѣ: „Прямая басурманщина, здѣсь. Ну-ка, кажинный день надо ходить на базаръ узнавать, почему деньги (курсовая цѣна ихъ). То-ли дѣло у насъ въ Расае: куда хошь, ступай,—рупь—вездѣ рубль. А здѣсь—на, вотъ?!“ Да я и самъ не могъ понять, почему русскія кредитки дороже здѣсь русскаго же серебра.

Утомившись отъ всего пережитаго за эту поѣздку, лежалъ я въ своемъ номерѣ на койкѣ. Вдругъ входитъ ко мнѣ Арабка и предлагаетъ купить маленькую крыночку молока. Я съ великимъ удовольствіемъ купилъ его и тотчасъ же выпилъ, почувствовавши, что оно не совсѣмъ какъ-то вкусно и жидковато. По уходѣ Арабки, спѣшно является ко мнѣ хозяйка номеровъ и спрашиваетъ меня: „Была здѣсь Арабка?—„Была“,—отвѣчаю.—Продавала она Вамъ молоко? Продавала.—И вы купили?—Купилъ.—Да знаете-ли Вы какое оно?—Знаю.—А какое?—Бѣлое.—Ахъ, не про это я говорю: вѣдь, оно ослиное!—Ну, матушка, гдѣ же въ басурманщинѣ найти коровьяго-то?“

Прот. Г. Добротворскій.

Божія кара.

Въ настоящее время религіозный индифферентизмъ начинаетъ проникать и въ наши глухія деревни, гдѣ ранѣе добрыя преданія, освященные Церковью и вѣковой практикою, считались нестѣмлемыми отъ обитателей ея—мирныхъ, полевыхъ тружениковъ. Но не то замѣчается теперь: молодое поколѣніе старается жить по-модному,—не въ смыслѣ только подражанія моднымъ теченіямъ, но и въ области религіозной. Зорко приходится слѣдить пастырю за такими непрошенными учителями и нерѣдко попытывать на себѣ злобную ярость враговъ Церкви Христовой, а иногда выслушивать отъ таковыхъ и угрозы.

Но Господь поругаемъ не бываетъ и не оставляетъ безъ Своей защиты служителей Его.

Недавно въ село Слизнево, арзамасскаго уѣзда, послѣ четырнадцатилѣтняго пребыванія въ дальней Сибири, явился молодой человекъ—Алексѣй Михайловъ Погувинъ, сынъ доброй, благочестивой семьи. Въ Сибири отецъ его померъ, и сынъ, еще ребенокъ, неопытный, неокрѣпшій, оставшись одинокимъ среди развращеннаго народа, живо забылъ свою родину, потерялъ страхъ Божій и сдѣлался настоящимъ „сибирякомъ“. Прискорбно было доброй матери слышать нерадостныя вѣсти о своемъ сынѣ. Ей хотѣлось какъ можно скорѣе возвратитъ заблудшаго сына подъ кровъ свой и направить его на истинный путь. Наконецъ, желаніе ея сбылось: родной братъ его, по слезной просьбѣ матери, вырвалъ его изъ опасной цуппы и привезъ на родину.

Велика была радость матери, но не продолжительна. Сынъ ея, привыкшій къ своеволю и отвыкшій отъ вѣхъ добрыхъ преданій родительскаго дома, нерѣдко сталъ высмѣивать родныхъ, какъ людей отсталыхъ, темныхъ. Послѣ сего бѣдной матери ничего не оставалось дѣлать, какъ только тайно страдать душою за своего погибающаго сына.

8-го декабря въ ея домѣ сильно захворала 3-хъ-лѣтняя внучка, которую вслѣдствіе семейной неурядицы долго не приносили въ церковь для причащенія, о чемъ она сильно сокрушалась. Въ порывѣ своей горести добрая старушка пошла къ своему приходскому священнику напутствовать ее Св. Тайнами. Священникъ объяснилъ ей, что младенцы запасными дарами не приобщаются, а приобщаются только одною Кровію Христовою, а посему, если возможно, то нужно его принести для сего въ церковь; при этомъ священникъ сдѣлалъ ей внушеніе, что младенцевъ всегда нужно какъ можно чаще приносить въ храмъ Господень для ихъ освященія.

Не понравилось такое объясненіе и внушеніе ея модному сыну. Ни слова, ни говоря своимъ домашнимъ, онъ побѣжалъ къ священнику съ требованіемъ причастить больного младенца. Такое требованіе удивило священника и вмѣстѣ обрадовало: священникъ, зная его убѣжденія, хотѣлъ воспользоваться случаемъ отечески побесѣдовать съ нимъ, но получилъ грубый отказъ и дерзкое заявленіе, что причащеніе ему лично не нужно, такъ какъ онъ не вѣруетъ въ Бога и ничего не признаетъ. Когда же священникъ высказалъ ему свое сожалѣніе о немъ и указалъ ему на послѣдствія

его заблужденія, то сей атеистъ таковыя назвалъ обманомъ поповъ. За отказъ же просьбы заявилъ, что лично посчитается. О своей же удалской, по его мнѣнію, выходкѣ и, можетъ быть, для примѣра другимъ, счелъ нужнымъ сообщить и похвалиться предъ своими товарищами.

Поистинѣ, Богъ поругаемъ не бываетъ; сей богохульникъ на другой же день скоропостижно умеръ; пришелъ къ своему родному брату на помощь—поднимать срубы и тамъ, вышивъ не болѣе полбутылки водки, закрылъ уста свои навѣки.

Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что въ данномъ случаѣ—простое совпаденіе обстоятельствъ; но я, какъ свидѣтель всего этого, не могу не видѣть кару Господню. Такихъ совпаденій жизнь знаетъ не много, и на языкѣ вѣры они называются чудесами, которыя Богъ время-отъ-времени являетъ въ грѣшномъ мірѣ для наказанія однихъ и вразумленія другихъ.

Священникъ *А. Архангельскій.*

Изъ мѣстной епархіальной хроники.

Архіерейское богослуженіе. Въ праздникъ Богоявленія Господня Пресвященнѣйшій Геннадій, епископъ балахнинскій, совершалъ всенощное бдѣніе и литургію въ кафедральномъ соборѣ, а послѣ литургіи крестный ходъ на рѣку Волгу.

Возвращеніе Его Пресвященства. 8-го января возвратился въ Н.-Новгородъ изъ С.-Петербурга Пресвященнѣйшій Іоакимъ, епископъ нижегородскій и арзамасскій.

Объявлена благодарность Его Пресвященства ягумейн Серафимо-Понетаевскаго монастыря Нектарію за содѣйствіе временнымъ миссіонерскимъ курсамъ, которые были открыты при монастырѣ 10-го декабря.

Возбуждено ходатайство объ открытіи самостоятельнаго прихода въ д. Хватовкѣ.

Учреждена комиссія по составленію сборника мѣстныхъ церковныхъ напѣвовъ изъ слѣдующихъ лицъ: преподавателей семинаріи В. В. Бѣльева, Л. Н. Соколова и старшаго учителя кантауровской второклассной церк. школы Д. М. Князева.

Учрежденіе этой комиссіи слѣдуетъ приветствовать, какъ дѣло весьма полезное и для упорядоченія церковнаго богослуженія, и для сохраненія мѣстныхъ простыхъ напѣвовъ, которые часто своимъ достоинствомъ превосходятъ всѣ печатныя переложенія церковныхъ пѣснопѣній, въ такомъ обиліи въ настоящее время выпускаемыя для богослужебнаго употребленія. Наступило время позаботиться объ улучшеніи и поддержаніи простаго пѣнія въ нашихъ храмахъ, которое способно сдѣлаться и общепароднымъ. Въ особенности изданіе сборника важно въ томъ отношеніи, что псаломщики и діаконы, вновь опредѣляемые въ приходы, имѣютъ часто очень недостаточную и очень разнообразную подготовку къ церковному пѣнію.

Ремонтъ Архангельскаго собора. Причтъ Архангельскаго собора ходатайствуетъ о дозволеніи ему произвести окончательный ремонтъ собора: золоченіе прицѣльнаго иконостаса и кіотовъ, окраска масляной краской нѣкоторыхъ частей храма внутри и проч., на

что предполагается употребить 2000 руб., имѣющихся на этотъ предметъ въ наличности.

Неврологъ. 9-го ноября скончался епископъ енисейскій и красноярскій Евфимій на 73 году своей жизни.

Пресвященнѣйшій Евфимій—въ мірѣ *Θ. Д.* Счастливъ—уроженецъ нижегородской губерніи (родился въ 1839 г.). По окончаніи курса въ нижегородской дух. семинаріи съ званіемъ студента онъ былъ опредѣленъ священникомъ въ с. Терюшево, ниж. у., гдѣ пробылъ слишкомъ тридцать лѣтъ.

О. Теодоръ Доримедонтовичъ пользовался большимъ авторитетомъ среди своихъ прихожанъ (мордвы). Церковныя службы онъ совершалъ всегда съ великимъ благолѣпіемъ и чрезвычайно торжественно. Къ тому же, авторитетный пастырь обладалъ большимъ ораторскимъ талантомъ. Среди окружнаго духовенства *о. Теодоръ* также пользовался громаднымъ вліяніемъ и значеніемъ, какъ мудрый и опытный благочинный, въ должность котораго онъ былъ выбранъ духовенствомъ единогласно. Симпатичной чертой его благочинническаго управленія была твердость власти, соединившаяся съ любовію къ духовенству. Не давая потачки и строго держа власть въ своихъ рукахъ, онъ вѣстѣ съ тѣмъ всегда являлся первымъ защитникомъ и заступникомъ вѣрнннго его благочинническому надзору духовенства; интересы и нужды его отстаивалъ предъ высшимъ начальствомъ съ достоинствомъ. Этому благочинному всѣ боялись и всѣ искренно любили. Въ должности благочиннаго онъ состоялъ почти все время своего служенія въ с. Терюшевѣ.

Въ 1894 г., бывшій уже въ это время протоіереемъ, *о. Теодоръ*, подъ вліяніемъ бесѣды съ покойнымъ Пресвященнымъ Владиміромъ (2-мъ), рѣшилъ принять монашество. По возведеніи въ санъ архимандрита онъ былъ назначенъ настоятелемъ арзамасскаго Спаскаго монастыря. На слѣдующій годъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду служенія. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе покойнаго с.-петербургскаго митрополита Палладія своимъ аккуратнымъ, умѣлымъ и точнымъ исполненіемъ разныхъ порученій по дѣламъ епархіальнаго управленія. Вмѣстѣ съ Высокопреосвященнымъ Назаріемъ, бывшимъ въ то время викаріемъ с.-петербургской епархіи, онъ совершалъ объѣзды для ревизіи епархіи и велъ объѣздной журналъ. Наконецъ, въ 1896 г. онъ былъ назначенъ епископомъ новгородсѣверскимъ, викаріемъ черниговской епархіи. Въ 1898 г. получилъ самостоятельную епархію енисейскую и красноярскую.

Въ 1910 г. Пресвященнѣйшій Евфимій праздновалъ 50-лѣтіе своего пастырскаго служенія Церкви Божіей.

Прибыль и вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей учитель серг. дух. училища Соковининъ, преемникъ Смирнова.

Елка въ образцовой школѣ при духовной семинаріи. 30 декабря къ 6 ч. веч. образцовая школа при духовной семинаріи привяла нарядный видъ. Заботами *о. законоучителя, свящ. М. Золотницкаго* и *о. учителя, діакона Г. Красницкаго* была устроена ученикамъ елка. Давно не видѣли дѣти, по преимуществу бѣдняковъ, такого праздника въ своей школѣ. Нужно было видѣть сіяющія ихъ личики, чтобы понять ихъ радость.

Всѣ почти ученики показали тутъ сполъ знанія стиховъ, которые они читали очень мило, а нѣкоторые прямо талантливо, и умѣние пѣть, въ чемъ заслуга учителя ихъ, о. Красницкаго, который въ полгода выучилъ ихъ многому.

Елка была очень нарядно убрана стараніемъ Е. И. Золотницкой. Особенно хороши были „дѣдушки-морозы“ ея собственной работы.

Своимъ присутствіемъ почтили елку: о. ректоръ, о. инспекторъ, преподав. Д. В. Знаменскій и экономъ семинаріи Н. А. Гувзевъ.

Не оставилъ своимъ вниманіемъ дѣтскій праздникъ и почетные гости—поч. блюститель семинаріи И. О. Окуловъ и ктиторъ церкви А. Д. Вяловъ. Ихъ присутствію дѣти были особенно рады, такъ какъ знали, что на пожертвованія этихъ благотворителей и была устроена имъ елка и куплены подарки.

За то и усердно пропѣли они „многая лѣта“ своимъ благодѣтелямъ—А. Д. Вялову и И. О. Окулову.

Спасибо имъ скажу и я, случайный свидѣтель радости дѣтей.

Гость.

Изъ общей церковной жизни.

Биографіи членовъ 4-й Государственной Думы— епископовъ Анатолія и Никона.

Членъ Г. Думы епископъ елисаветградскій Анатолій—избранникъ г. Одессы, той Одессы, которая до сихъ поръ посылала лѣвыхъ, какъ еврей Пергаментъ и ветеринаръ Никольскій. Избраніе разнородной и разноплеменной Одессой православнаго архіерея—своего рода знаменіе времени, яркій показатель оживленія, организованности и умѣлой борьбы со стороны русскихъ здоровыхъ государственныхъ элементовъ въ общественной жизни.

Избраніе епископа Анатолія Одессой представляется такимъ же крупнымъ событіемъ въ выборной эпопее, какъ въ свое время избраніе по Кіеву во 2 Гос. Думу еп. Платона, нынѣ архіепископа американской церкви.

Съ послѣднимъ членъ Гос. Думы еп. Анатолій связанъ и исторіей своей службы, съ тѣмъ различіемъ, что еп. Платонъ назначенъ былъ на службу въ Америку послѣ втородумскаго искуса, а па еп. Анатолія палъ жребій избранія въ Гос. Думу послѣ тяжелого 8-лѣтняго искуса за-граничной церковно-миссіонерской службы въ той же Америкѣ.

Такъ что про широко просвѣщеннаго одесскаго депутата, по справедливости, можно сказать, что онъ дѣйствительно знаетъ жизнь народа не только своей родной страны, но заатлантической республики.

Владыка Анатолій, по окончаніи средняго образованія, опытно извѣдалъ и сладость и тяжесть душепастыря сельскаго православнаго населенія, но, потерпѣвъ крушеніе въ семейной жизни, о. Алексѣй Каменскій въ 1891 г. поступилъ въ дух. спб. академію, по окончаніи которой въ 1893 г. принялъ монашество съ именемъ Анатолія.

Откликаясь на архипастырскій призывъ начальника русской православной миссіи, пѣльцинскаго архіепа.

варшавскаго Николая, члена Государственнаго Совѣта, іеромонахъ Анатолій смѣло отправился въ заатлантическую даль, гдѣ назначенъ былъ настоятелемъ ситхинск. Михаило-Архангельскаго собора и смотрителемъ миссіонерской школы, а также благочиннымъ ситхинскаго округа.

Изучивъ медицину, тихій, доступный и сердобольный пастырь привлекъ и привязалъ къ себѣ препростыя сердца народной паствы дикаго сѣвера Америки и былъ весьма популярнымъ даже у пловѣрцевъ.

Въ 1897 г. о. Анатолій за свою многополезную дѣятельность былъ возведенъ въ санъ архимандрита и переведенъ въ Санъ-Франциско и въ 1899 г. ему поручается завѣдываніе Миннеапольской мисс. школой.

Въ 1903 г. архим. Анатолій оставляетъ службу въ Америкѣ, за назначеніемъ его ректоромъ одесской семинаріи, въ 1906 г. маститый архипастырь Одессы архіеп. херсонскій Дмитрій избираетъ себѣ о. Анатолія въ ближайшіе помѣшники, и архим. Анатолій возводится въ санъ епископа елисаветградскаго, викарія херсонской епархіи, въ 1906 г.

Епископу кременецкому Никону въ данное время 44 года. Онъ уроженецъ могилевской губерніи, изъ дворянской семьи.

Среднее образованіе будущій епископъ получилъ въ свѣтской школѣ, въ 1891 г. онъ окончилъ курсъ въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ. Отбывъ воинскую повинность, поступилъ въ брестское инженерное управленіе, но религіозная настроенность влекла его на службу Церкви, и онъ поступилъ въ московскую дух. академію.

Здѣсь онъ принялъ монашество и, по окончаніи въ 1895 году академическаго курса, началъ службу Церкви въ качествѣ преподавателя дух. семинаріи. Недюжинность молодого іеромонаха обратила на него вниманіе, и въ 1897 г. ему поручается отвѣтственный постъ завѣдующаго алтайскаго миссіонерскаго училища, гдѣ онъ прослужилъ три года, много потрудившись надъ устроеніемъ этой миссіонерской школы и съ внѣшней и съ внутрешней стороны.

Административно-педагогическія способности, проявленныя іеромонахомъ Никонъ, вызвали къ нему довѣріе высшей власти, и въ 1899 году онъ возводится въ санъ архимандрита съ назначеніемъ на еще болѣе трудный постъ—сначала ректора благовѣщенской, а затѣмъ, въ 1901 году, Иркутской семинаріи.

Какъ въ Благовѣщенскѣ, такъ и въ Иркутскѣ о. ректоръ неустанно заботился какъ о воспитаніи и образованіи учащихся, такъ и объ улучшеніи матеріальнаго быта учащихся и учащихся. Онъ заботился о квартирѣ для недостаточныхъ учениковъ, устройствѣ казенныхъ квартиръ для учащихся, объ устройствѣ библиотекъ, чтеній рефератовъ для воспитанниковъ. Эта кипучая дѣятельность вызывала къ о. ректору любовь и уваженіе учащихся, такъ что и въ Благовѣщенскѣ и въ Иркутскѣ его провожали съ глубокимъ сожалѣніемъ.

Прохожденіе церковно-административныхъ должностей показало въ архимандритѣ Никонѣ достойнаго кандидата къ занятію высшаго поста, и въ февралѣ 1906 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о бытіи ему епископомъ балтскимъ, викаріемъ подольской

епархія, а въ 1909 г. первымъ викаріемъ архіепископіи волынской, епископомъ кременецкимъ.

Въ санѣ епископа онъ продолжалъ ту же кипучую дѣятельность на пользу Церкви и народа: въ Подоліи имъ благоустроенъ Троицкій монастырь, устроенъ Балтскій, создано Троицкое братство.

По переходѣ въ волынскую епархію еп. Никонъ изыскавъ средства на постройку Народнаго дома, стоящаго до 35 т., съ обширнымъ двухсвѣтнымъ заломъ для бесплатныхъ лекцій съ бесплатной амбулаторіей, дешевой чайной, бібліотекой и читальней, книжной и иконной лавкой, устроилъ пріютъ для немощныхъ престарѣлыхъ.

Имъ устроены 4 храма въ селахъ, школа для псаломщиковъ, монастырскія школы для дѣтей, дѣтскій садъ, а въ данное время устраиваетъ санаторію для чахоточныхъ. Благодаря его ходатайству, главнымъ управленіемъ землеустройства отведено на устройство разныхъ просвѣтительныхъ учрежденій 100 дес. лѣса. Подъ его руководствомъ ведутся духовныя бесѣды въ монастырскихъ и приходскихъ храмахъ и особыя для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Озабочиваясь удовлетвореніемъ не только духовныхъ, но и матеріальныхъ нуждъ своей паствы, епископъ Никонъ заботится объ организаціи и развитіи общества взаимопомощи. Онъ предсѣдатель совѣта почтаево-волынскаго банка, бюро потребителей, благодаря чему мѣстное населеніе спасается отъ еврейской кабалы и безумнаго возвышенія цѣнъ.

Подъ мудрымъ руководствомъ правшаго архіепископа преосвященный Никонъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей православнаго народнаго дѣла на Волыни и словомъ и дѣломъ объединялъ мѣстное православно-русское населеніе вокругъ народныхъ святынь—алтаря, трона и народнаго самосознанія.

Энергичная дѣятельность владыки вызвала къ нему любовь и уваженіе мѣстнаго православнаго русскаго населенія, потому при наступившихъ выборахъ въ Гос. Думу мѣстные дѣятели стали усиленно ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о благословеніи епископу Никону принять избраніе его въ Гос. Думу. Вліяніе, какимъ епископъ Никонъ пользовался въ церковно-народныхъ организаціяхъ Западнаго края, заставило лѣвую печать опасаться, чтобы преосвященный не повліялъ въ такомъ же смыслѣ и на думскихъ крестьянъ и не вовлекъ ихъ въ общую организацію съ духовенствомъ.

Вотъ почему поднятъ былъ такой шумъ въ газетахъ по поводу его перваго выступленія на пастырскомъ собраніи съ предложеніемъ образованія церковно-народной партіи, и потому такъ старательно прогрессистъ Карауловъ охранялъ отъ него думскихъ крестьянъ.

Разныя извѣстія.

Свѣтлой памяти Владыки-митрополита Антонія. 1 января (н. ст.) сего 1913 г. въ Берлинѣ вышелъ 1-й №-ръ „Церк. Правды“, богословскаго и церковно-общественнаго за-граничнаго Вѣстника, подъ редакціей прот. А. Мальцева.

Въ этомъ №-рѣ въ Божь почившему м. Антонію посвящены слѣдующія строки:

„Высокопреосвященный митрополитъ будетъ отмеченъ исторіей, какъ одно изъ лицъ, творившихъ будущее Русской Церкви. Онъ не былъ изъ тѣхъ крупныхъ іерарховъ, которые рождаются вѣками, въ роляхъ Филарета, Макарія, Иннокентія, Никанора и др., но онъ владелъ свойствами, которыя дѣлали его вліяніе на судьбы Церкви, далеко не оборвавшееся съ его кончиной, весьма значительнымъ. Эти свойства—ясное пониманіе недуговъ и нуждъ настоящаго, прямая пастырская совѣсть, горячее желаніе возратить Церкви ея бывшее вліяніе на совѣсть ея членовъ и живой соборный строй, а главное—отсутствіе властолюбивой „самостности“, „блестящаго порока“—порока людей, стоящихъ у власти: желанія творить жизнь своей *единоличной волей* и мыслью. Покойный Владыка предпочиталъ дѣйствовать въ общественномъ и тѣмъ болѣе церковномъ дѣлѣ *общими* силами, оставаясь какъ бы въ тѣни и издали руководя коллективною мыслью своихъ сотрудниковъ“.

Священная ночь. (Изъ воспоминаній алтайца объ архіепископѣ Макаріи *). Та священная ночь, о которой хочется поговорить, была давно-давно. Пожалуй, лѣтъ сорокъ слишкомъ. Но ее я такъ до мелочей подробно помню, какъ будто она вчера только была. Памятная ночь. Давная ночь, никогда я ее не забуду... Эта ночь всегда въ теченіе болѣе сорока лѣтъ удерживала меня отъ всего худого и думаю, что она мени своей необычайностью и до смерти будетъ хранить отъ зла...

Мнѣ пришлось быть случайнымъ спутникомъ по дорогѣ архіепископу нынѣ митрополиту Макарію, когда онъ былъ еще простымъ рядовымъ миссіонеромъ. Архіепископъ ѣхалъ съ проповѣдью по Алтаю, а по своимъ торговымъ дѣлшкамъ. Путь нашъ лежалъ вверхъ по Катунѣ. Дорога была скверная, по бомамъ, по камнямъ. Ѣхали верхами. Архіепископъ ѣхалъ съ добрымъ намѣреніемъ—учить добру изычниковъ, а я, какъ купецъ, ѣхалъ не съ добрымъ намѣреніемъ... Одно у меня было желаніе и дума: „гдѣ бы кого половчѣе принагвуть“.

Господу Богу было угодно для спасенія моей души, чтобы я провелъ ночь вмѣстѣ съ отцомъ Макаріемъ. Мнѣ съ нимъ пришлось почевать на берегу одной шумной грохотливой горной рѣчущи... Ночь была лѣтняя, но не теплая... Ночевали въ першихъ рѣчки, вблизи бѣлковъ, подъ кедрами. Долгая, верховая ѣзда, дорога напряженная, трудная, сильно меня разбила, истомила. Мнѣ скорѣе хотѣлось лечь, отдохнуть и уснуть... Сварили чаекъ, напились, и я улегся спать... Архіепископъ, когда я легъ спать, сидѣлъ возлѣ огонька и что-то про себя читалъ...

Легъ и какъ убитый скоро заснулъ... Долго-ли я проспалъ или нѣтъ, не знаю... Только чувствую, что я во время сна сильно стонаю... Сплю и стонъ свой слышу. Во время дороги наколотило, все болитъ, ну и стоналъ какъ-то невольно.

Отъ своего стона я скоро проснулся. Думая, что я не ловко, быть можетъ, лежу, перевернулся на другой бокъ лицомъ къ огоньку, къ рѣчкѣ, къ кедрачу... Перевернулся, мелькомъ взглянулъ, и предо мною,

*) Нынѣ митрополитъ московскій.

знаете-ли, открылась неожиданно слѣдующая картина... Картина дивная, незабвенная... Все кругомъ было залито луннымъ свѣтомъ... Тамъ все тихо, только рѣчка какъ-то таинственно грохотала. Бѣлки, облитые луннымъ свѣтомъ, блестяли, погружаясь въ явную дремоту... Сгройные кедрь казались таинственными, волшебными, бросая отъ себя причудливыя тѣни... Вѣтра не было. Вѣяло прохладой... Ни шороху, ни треска. Огонекъ лѣниво мерцалъ синенькимъ огонькомъ. На небѣ рѣденько кое-гдѣ блестяли звѣзды. Все предалось сну, покою ночи. Только архіепископъ не спалъ... Онъ стоялъ надо мною... Слыша мои стоны, онъ ограждалъ меня крестнымъ знаменіемъ... Онъ благословлялъ меня... И въ его благословіи я чувствовалъ особенную, необыкновенную, благодатную силу... Это благословіе, благословіе молитвенное, вливалось въ меня какое-то тепло, какую то вѣгу, сладость... Это таинственное, сокрытое благословіе загло мое сердце разбулило совѣсть, прояснило сознание... Мое сердце застучало, мысли полились, совѣсть заговорила.. Весь міръ въ эту минуту сталъ мнѣ казаться прекраснымъ... Людей, которыхъ я обманывалъ и хотѣлъ обманывать, стало жалко обижать.. мнѣ стало прискорбно, что я людямъ дѣлаю такъ много зла своей неправдою... Людей, въ которыхъ я раньше видѣлъ предметъ наживы, теперь хотѣлось любить, дѣлать имъ одно только добро. Я плакалъ... Слезь раскаянія сожгали во мнѣ и сожгли навсегда злыя намѣренія обмана... Въ эту святую ночь я рѣшился не обманывать больше никого никогда и свое слово по сіе время твердо сохраняю... Дивная ночь... Священная ночь... Она спала меня и спасаетъ отъ гибели... Благословляю я ее теперь... Благодарю Бога, что Онъ такъ все хорошо для меня устроилъ. За архіепископа молю Бога, что онъ влилъ въ мою душу цѣлительную силу Божьей благодати... Дивная ночь... Онъ, архіепископъ, небольшой, худощавѣйшій, весь залитый луной, казался въ этотъ мигъ посланникомъ неба... Священная ночь!

(„Православный Елаговѣстникъ“).

Царицынь. 8 января началось фактическое преобразование монастыря; монахи уѣзжаютъ. Прибыла первая группа монахинь.

Изъ общественной жизни.

Литературные итоги въ 1912 г.

Изъ всѣхъ послѣднихъ лѣтъ 1912 годъ является самымъ скуднымъ и печальнымъ. Литература обидѣла даже и въ количественномъ отношеніи. Притихли самыя отъявленные графоманы, воцарился переводъ, читатель махнулъ рукой на отечественное производство и погрузился въ иностранную литературу. Вниманіе поочередно привлекали то испанцы, то англичане и американцы, то датчане, шведы и норвежцы, только не русскіе писатели. „Своихъ“ обходили, отъ нихъ всячески открепивались и отплевывались. Всякая попытка обратить вниманіе неизмѣнно оканчивалась проваломъ и посрамленіемъ. Такая участь постигла не только заурядныхъ писателей, но и признанныхъ вождей и корифеевъ. Въ отрицательной

оцѣнкѣ произведеній Арцыбашева, Андреева, Соллогуба Брюсова, Мережковского сошлись критики всѣхъ направлений, слѣва и направо. Это былъ годъ „совлеченія одеждъ“, разоблаченія всѣхъ нашихъ „голыхъ королей“, единодушнаго „критическаго заговора“ противъ вичливыхъ и претенціозныхъ „властителей думъ“ современности. Въ припадкѣ отрицанія критика даже проворонила то небольшое хорошее, что по временамъ давалъ истекшій годъ. Не до того было. Надо было „выкорчевывать“ изъ читательскаго сознания застарѣлые авторитеты, прихотилось долбить, что прогнали насъ въ наши „великаны“ и „на срубъ“ ихъ пора. Потому и плутали мы „межь трехъ сосенъ“, въ заколдованномъ кругу нѣсколькихъ писателей, достаточно уже намъ опостылѣвшихъ, очевидно, секудѣвшихъ и несостоятельныхъ. Конечно, это было не весело: все про „покойниковъ“ да про ихъ „посмертныя произведенія“, но „осада Карогагена“ требуетъ самаго настойчиваго долбленія. И хотя „бывшіе люди“ по инерціи еще продолжаютъ главенствовать въ литературѣ, хотя для нихъ всякая критика, какъ „горохъ объ стѣну“, по въ передовомъ сознаніи литературный Карогагенъ уже разрушенъ. Въ своей несостоятельности безмолвно признались даже сами „осаждаемые“, и одишь за другимъ уходять въ молчаніе, въ подведеніе итоговъ, въ полныя собранія сочиненій. Арцыбашевъ окончилъ самоотрицаніемъ, Андреевъ и Купринъ успокоились въ лонѣ „семейнаго чтенія“, мирно опочили въ похоронномъ бюро Маркса. Плоско и безцвѣтно тянулся литературный годъ, безъ неожиданностей и поворотовъ, развѣ какой скандалъ вызывалъ злободневный шумъ на литературной улицѣ. Но являлись „блосителіи порядка“, растаскивали зачинщиковъ, и снова и тишь и гладь—могильный покой безвременья, всеобщій сонъ и бормотанье спресонокъ. Даже въ дурномъ, отрицательномъ минувшій годъ не далъ ничего исключительнаго,— все было повтореніемъ, жвачкой, самопародіей. Писатели изживали себя, многократно повторяя свои темы, переряжая своихъ героевъ, писатели трижды вывернули свою литературу, совершили полный оборотъ, въ кругозоръ современности литературный маятникъ дошелъ „до послѣдней черты“ самодурства и вернулся къ задамъ самой рабской подражательности, и все это было безъ толку: никто не удивился, никто не протестовалъ—литература была предоставлена своей участи.

Отдѣленные отъ общественнаго вниманія глухою и равнодушіемъ, наши литературщики очутились въ положеніи пауковъ въ стеклянѣ. Они копошились, брызгали ядомъ, заплетали тонкую паутину соблазновъ, но такъ и не дождались „мухъ“, но такъ и замерли безъ воздуха и вниманія. Литературная мусть и нечисть такъ и осталась запечатанною въ „консервахъ“ безталанности, въ журналахъ, сборникахъ, собраніяхъ сочиненій. И въ 1912 году литература оставалась внѣ жизни; какъ и въ прежніе годы, ея посяганія на руководство и вліаніе не имѣли успѣха. Отсутствие „моральнаго успѣха“—главный литературный признакъ 1912 года. Ни одна изъ возвышенныхъ идей не была принята, какъ лозунгъ,—жизнь жестоко посмѣялась надъ учительскими потугами Андреевыхъ, Арцыбашевыхъ, Соллогубовъ, передовая мысль съ отвращеніемъ

отвернулась, какъ отъ революціонной смердяковщины „Саши Жегулева“, такъ и отъ надутаго пессимизма арцыбашевского глупца Наумова, такъ и отъ сутенерскихъ идей Соллогуба („Заложники жизни“, гдѣ запоздало воспѣвается „право свободной любви“). Потому и является минувшій годъ для нашихъ „именъ“ *идомъ небытія*: ихъ вывели, какъ соръ, ихъ оттолкнули, открыто заявили объ ихъ ненужности. Учителя безъ учениковъ, полководцы безъ войска—они обречены биться въ тупикъ безысходной литературщины, превращаться въ устарѣлыхъ маляковъ и психопатовъ, до которыхъ нѣтъ никакого дѣла подлинной жизни и ея идейнымъ влеченіямъ. Такое впечатлѣніе отъ всехъ выступленій нашихъ „выдающихся“ писателей: они сидятъ въ погребѣ, въ подпольѣ, и ихъ никто не слушаетъ и они сами погребаютъ себя. А ихъ писанія, ихъ бредни, эвюки и клеветы—пустой бредъ одержимыхъ, выкрики „старческого психоза“, неудовлетворенной „маши величія“. Такъ, по-моему слѣдуетъ понимать все претенціозныя выступления корифеевъ разнузданности и нигилизма, да такъ они и были поняты въ критической литературѣ минувшаго года: „идеи“ Андреева, Арцыбашева, Соллогуба были единодушно признаны достойными только ихъ авторовъ и рѣшительно непригодными ни въ жизни, ни въ литературномъ обиходѣ. Если отвергнуты „замыслы“, осмѣяны основные элементы творчества, то что же остается отъ писателей?—Большая или меньшая степенъ талантности. Это и осталось отъ нашей „передовой“ литературы, но и въ этой сферѣ литература замѣтно склонилась къ упадку. Безталанность начинаетъ перетягивать и осливать въ кругу именитой литературы. Они, въ довершеніе всего, исписались, у нихъ за душой уже ничего, кромѣ инерціи и навыковъ долготѣннаго писанія. Анатема во фракѣ Богрова, Анатема въ профессорскомъ сюртукѣ, Анатема-студентъ и Анатема „безъ ничего“. Ясно, что „дальше идти некуда“, что проходятъ послѣдніе дни, когда надъ собой сооружать „катафалкъ“ повисше...

Но все же жаль уходящихъ. Хорошо терять, когда есть что впереди. Но когда впереди пусто и темно и ни на кого нѣтъ твердой надежды, тогда невольно пожалѣешь и о томъ, что было. 1912 годъ начинался при свѣтѣ нѣкоторыхъ надеждъ. Казалось, расцветаютъ яркія общанія, нараждаются новыя силы, подымается и вриваетъ молодая поросль, и хотѣлось поскорѣ выйти изъ заколдованнаго круга, отрясти прахъ отъ ногъ, свернуть съ Невскаго туда, гдѣ робкія надежды и новыя рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, въ темный подвалъ литературы въ минувшемъ году будто бы ворвалось что-то отъ новизны, яркости и силы, лучъ юности, свѣжая струя искренности. Наперекоръ старческому брюзжанію вдругъ зазвучали молодыя и сильные голоса, и хотѣлось идти навстрѣчу молодой силѣ и громко привѣтствовать ее. Но молодость только поманила, да и затаилась въ потемкахъ безвременья. Къ концу года словно въ воду канули недавнія надежды, и ничего не брезжить на зарѣ 1913 года. „Подающіе надежды“ такъ и остались въ своемъ чинѣ и не сдѣлали рѣшительнаго шага. Авторъ трогательной повѣсти „Человѣкъ изъ ресторана“, Шмелевъ, покатылся съ высотъ нравственнаго творчества въ

юдолю натурализма; Подъячевъ, бытописатель современной деревни, не вышелъ изъ круга протокольныхъ наблюденій и анатомической правды, не поднялся къ типичному и идейному созиданію; Пришвинъ, поэтъ русскихъ пустынь, замяулся въ узкой сферѣ этнографическихъ красотъ и эмоцій капризнаго турпста; бытописатель революціи, мастеръ на широкія изображенія жизни—Фонвизинъ, не использовалъ своего крупнаго беллетристическаго размаха и сузилъ свое дарованіе рамками любовнаго психологизма и свѣтской эзотики; наконецъ, молодой Русовъ, такъ смѣло воплотившій общую жажду отчужденія, чувства родины, вдругъ разобрался на капризы индивидуализма и эротики, а молодой Толстой, отказавшись отъ грязнаго натурализма, не сумѣлъ придать своему цѣломудрію правдивыя и жизненные черты. Казалось, литература выздоравливаетъ, казалось, ее озаряютъ проблески націонализма и идеализма,—но такъ и не выздоровѣла наша литература, такъ и не вышло ничего изъ ея взлетовъ и благородныхъ усилій. Миражъ улыбнулся и потухъ. Написалъ Ремизовъ нежданно хорошій простой русской разсказъ, да и простылъ и слова поплелся по торной дорожкѣ передоношницы; написалъ Сергіевъ-Ценкскій тоже что-то пелукавое и сердечное—и вновь обратился вспать, въ нетрезвую и больную мысль. Такъ было со многими: минутный проблескъ сознанія, а потомъ опять блуждающій взоръ и путающаяся рѣчь. Твердой надежды нѣтъ, есть улыбочки, да трепетныя зарницы, но что это въ могильной темнотѣ? Главное, нѣтъ путъ, все какъ-то ошущью, наугадъ, случайно, по капризу, „на авось“. Все уже поняли, что „такъ дальше писать нельзя“, какъ писали эти десять-двѣнадцать лѣтъ, но никто не можетъ выйти изъ плѣна лукавства навстрѣчу желанной правдѣ. И вотъ литературные лукавцы придумали обходъ: они теперь прикидываются правдивыми, натуральными, искренними, они поддѣлываютъ „реализмъ“, какъ раньше фальсифицировали символику. Авторъ хмельныхъ декадентскихъ абсурдовъ, Леонидъ Андреевъ, культивируетъ теперь свой нетрезвый гамлетизмъ въ обстановкѣ реалистической пьесы („Профессоръ Стрицинъ“). Гробокопатель и параноикъ, Федоръ Соллогубъ, прячетъ свой мертвый иллюзионизмъ, свои некрофильскія мечтанія въ закоулки бытовой повседневности („Заложники жизни“). Литература пошла въ обходъ жизни, старается предупредить ея требованія и паразитируетъ на нихъ. Захотѣлъ читатель романа, стали писать все поголовно романы, „романтизмъ“ сталъ повальной болѣзью. Искренняго поворота, внутренняго перерожденія нѣтъ и не предвидится, литература какъ была въ подпольѣ книжной выдумки, въ тупикѣ ремесленничества, такъ тамъ и остается, несмотря на все уловки жизненности и реальности.

Искренность попрежнему отсутствовала въ литературѣ и въ минувшемъ году. Но умыселъ ремесла съ равнымъ стараніемъ извлекалъ пользу изъ всехъ проявленій человѣческаго духа по способу сгущенія и сушки, только бы зарядить чѣмъ литературное слово, лишь бы чѣмъ наполнить консервные коробки тѣхъ или иныхъ литературныхъ формъ. Одно науравленіе гауло къ публичной бібліотекѣ, другое высасывало изъ записной книжки, или изъ граммофонной трубы,

третье высасывалось чрезъ мазагранную трубку, четвертое заряжалось по способу обреченнаго напграванія,—но все равно, на всѣхъ направленіяхъ одинаково лежала печать безличія и равнодушія. Это важнѣйшій симптомъ современной литературы. Если не считать немногихъ новыхъ писателей, заговорившихъ голосомъ души и взыскательной совѣсти, все прочее, все руководящее въ литературѣ направляло ее по пути лжи, лицемерія, фальши. Лгалъ Андреевъ, когда представлялъ преподобнаго экспроприатора, лгалъ Бунинъ, когда чернилъ деревню, лгалъ Купринъ, когда истекалъ въ сантиментахъ, лгалъ Арибашевъ, когда карежился въ падучей всеотрицанія и демоническаго пессимизма. И подраздѣлять нашихъ именитыхъ писателей правильно будетъ не на символистамъ, реалистамъ, натуралистамъ, а на притворщиковъ, выдумщиковъ, клеветниковъ, лжесвидѣтелей, пачкуновъ и хулителей. Обратный результатъ—общее свойство новѣйшей литературы. Хотѣлъ что-то разсказать изъ жизни,—вышелъ отрывной календарь, хотѣлъ обличить пошлость людскую—пошлость прежде всего прикрыла писателя, хотѣлъ душу открыть—дохнуло пустотой. Не распущенность, такъ безсиліе, не опустошенность, такъ косноязычіе,—всѣ клейменные, порченые, ни одного свѣжаго, искреннаго, яркаго, смѣлаго человѣка, отсутствіе темперамента, отсутствіе воли и цѣльности, безпринципное и безлюбное сочинительство, разложеніе мышленія и склерозъ ощущенія. Литература, какъ трехдневный покойникъ, полный трупнаго яда. Общее зараженіе—зараженіе всего литературнаго организма: языкъ, стиль, образы, психологія, краски—все извратилось, изуродовалось, потеряло преемственную и національную форму. Снаружи—вымученность, косноязычіе, риторизмъ, а внутри—цинизмъ, ехидство, короткомысліе, психопатія и маньячество. Этотъ органическій составъ литературы особенно четко выяснился въ 1912 году, въ періодъ, когда большинство нашихъ писателей обратились къ роману, къ широкому запечатлѣнію жизни и страстей. Романъ оказался неподходящей стихіей для утлыхъ и мизерныхъ дарованій современниковъ. Современный писатель, со своей крошечной идейной и чувственной амплитудой, быстро обратилъ романъ въ мелкую лужицу „переживаній“, въ темную путаницу звуковыхъ, зрительныхъ, нюхательныхъ и иныхъ „проекцій“, быстро сузилъ широкій соціальный кругозоръ романа въ шаманскій кругъ чечоточнаго индивидуализма. Удивительнымъ безсиліемъ вѣтъ отъ упражненій въ романическомъ родѣ Соллогуба, Андреева и Арибашева. Хотѣ бы въ фундаментальную бібліотеку заглянули, хотѣ бы у какого старичка поучились. А то совсѣмъ коффузно: такіе почтенные литераторы, а пишутъ, точно институтки: ни плана, ни стройности, просто—наивное сочинительство по способу врючковъ и зацѣпокъ.

Возьмемъ-ли мы „У послѣдней черты“—это безтолковое арибашевское блужданіе въ потемкахъ невѣдомой ему русской жизни, это постылое хожденіе изъ дома въ домъ, отъ свандада къ случаю, отъ глушца къ резонеркѣ, или „Хромого барина“ даровитаго А. Н. Толстого, это „драгу изъ дичи“, какалъ только не летѣла въ его горячую голову, или очередной декадентскій романъ—это наивываніе всякихъ мимолет-

ныхъ мыслишекъ и впечатлѣній; вездѣ выглядываетъ удивительное неумѣніе влачить матеріаломъ, подчинять его сюжетной необходимости. Нищенствомъ вѣтъ отъ новѣйшихъ романовъ. Сшитые изъ лоскутковъ, бѣдные мыслью и чувствомъ, эти литературныя рублища располаются по всѣмъ швамъ передъ самыми скромными требованіями цѣльности, осмысленности и необходимости. Много „романовъ“ вышло въ минувшемъ году, но почти ни одинъ изъ нихъ не является романомъ. Только „Колычевская вотчина“ Веселковой-Кильштетъ да „Двѣ жизни“ Фонвизина болѣе или меньше отвѣчали требованіямъ романической формы; въ нихъ хотя было то, что составляетъ природу романа: развитіе драматическаго дѣйствія въ обстановкѣ широкаго быта и жизненной многосложности,—та цѣльность литературнаго воплощенія, которая составляетъ необходимое условіе широкой формы романа. Этой цѣльности теперь нигдѣ не сыщешь. У самыхъ искреннихъ и способныхъ невообразимый хаосъ въ области формы—все раздроблено, не спаяно или соединено механически и гадалельно. Гдѣ ужъ тутъ писать романы, сочинять пьесы? На разсказикъ, на повѣстучку еле-еле потроховъ хватаетъ, а онъ безъ смущенія лѣзетъ въ романисты или драматурги. Смѣшное царство лиллипутовъ, унылая пора крохоборства и немочи. Каждая попытка взлета и размаха только подчеркивала безсиліе и узость.

Какая прекрасная, большая и сложная задача стояла передъ Арибашевымъ: открыть душу современной смутившейся Россіи, а что вышло изъ его путешествія въ провинцію? Что онъ извлекъ изъ нѣдръ русской жизни? Философію хулиганскаго всеотрицанія, неразборчивую мораль арестантскихъ ротъ. Или Андреевъ,—что бы можно было сдѣлать съ темой юнаго увлеченія революціей, какъ можно бы было правдиво запечатлѣть этотъ психозъ, разгулявшійся по лицу русской земли, а Андреевъ только и сумѣлъ спѣть фальшивый гимнъ во славу фальшиваго перефразированнаго Карла Моора. И такъ у большинства. Не темы плохи, не въ сюжетахъ недостатокъ, а воплощеніе мизерное, однобокое, пониманіе узко и вульгарно. Жизнь, какъ и всегда, стихійна и громадна, только писатели пошли народъ хлипкій—сплошь комнатные Гамлетики, подельцоватые интеллигентики, у которыхъ только и свѣта, что въ окошкѣ близорукаго индивидуализма, да партійнаго косоглазія. И, конечно, этимъ лиллипутамъ все представляется по-лиллипутски; прыщъ имъ кажется злокачественной язвой, бородавка—римскимъ огурцомъ, простой чихъ—изверженіемъ Везувія. Маленькіе, трусливые, издерганные, они пискливымъ голоскомъ, съ вытарашенными глазками повѣствуютъ о страхахъ и ужасахъ громадной, размашистой и простецкой русской жизни,—о „звѣриномъ лигѣ“ мужика, о необъятномъ кулачницѣ исправника, о львиномъ рыканіи поднимающагося хама. Мелкая лужица интеллигентизма не въ силахъ отразить русскаго океана, и смѣшна и нелѣпа эта „буря въ стаканѣ“, русская стихія, русская жизнь въ современномъ литературномъ воплощеніи, и возмутительны эти посяганія на пониманіе и учительство. Чего, ужъ, хорохориться, чѣмъ кичиться, когда нѣтъ ни знанія, ни кругозора, ни наблюдательности, когда сидятъ людишки въ душ-

номъ погребѣ и въ сотый разъ обливаютъ оглодки чеховщины и декаданса? Такимъ слѣдовало бы быть посвоямъ, а то: „на грошь аммуниціи, а на рубль амбиціи“. Но они спокойно папираютъ съ великими; они выгоды безрыбьи, успѣхи ремесла учитываютъ, какъ голосъ вѣчности, и потому приходится называть вещи своими именами. Приходится сказать, что смѣшны претензіи нашей упадочной литературы, ея обращеніе къ подлинной жизни, ея покушеніе на моральное вліяніе, что напрасно думать о воскресеніи, когда кругомъ трупы и гніеніе...

1912 годъ въ самыхъ талантливыхъ литературныхъ проявленіяхъ тѣмъ не менѣе оказался на уровнѣ скромной заурядности, что же говорить объ общемъ литературномъ уровнѣ? Онъ безконечно понизился, опустился до низинъ макулатуры, изготовленной по рецепту „лопай, что даютъ“. Названіе арцыбашевскаго романа „У послѣдней черты“ какъ нельзя лучше опредѣляетъ состояніе литературы минувшаго года. Дѣйствительно, въ 1912 г. она приблизилась къ послѣдней чертѣ вульгарности и низкопробности. Лауреатъ Бунинъ опустился до базарнаго пасквиля, живой талантъ Куприна выродился въ пьяную гримасу, хмѣльная символика Андреева обратилась въ открытое ослѣпленіе надъ русскимъ языкомъ, описательный даръ Мережковского сосредоточился въ области опачкиванія русской исторіи („Александръ I“), Максимъ Горькій безповоротливо согнулся въ субботняго слугу социальнаго утопизма, Валерій Брюсовъ развѣнчалъ свою декадентскую эротикъ на безвыходную „постельность“ профессиональнаго порнографа („Зеркало тѣней“). Не счастье всѣхъ паденій и пониженій, ибо таковъ былъ общій путь литературы минувшаго года. Подъ гору катилось литературное слово, доходило вплотную къ чертѣ подлости и преступности. Этотъ торжественный въездъ въ русскую литературу отставнаго бомбиста Савинкова-Ропшина („То, чего не было“), и это благосклонное отношеніе къ нему нашихъ литературщиковъ, что это, какъ не послѣдняя степень литературнаго паденія? А „романъ“ Осипова-Дымова-Церельмана—это пошло-декадентское восхваленіе нравственной нечистоплотности, этотъ нахальный ингилизмъ, опачкивающий все, что дорого и свято для русскаго человѣка, въдь, это же сгустокъ самой чернѣйшей грязи, самаго возмутительнаго оскверненія великихъ заветовъ русской литературы. А „свой“, а русскіе будто не столь же рьяно затаптываютъ всѣ лучшія традиціи? Дружными усиліями тащатъ современники свою литературу къ предѣлу, гдѣ червѣтъ тюремная рѣшетка. „Несравненная“ Гиппіусъ восхваляетъ сутенера Юрулю („Чортова кукла“) и „заведеніе имени Куприна“ („Луныя муравьи“),—что же говорить про писателей мужского пола. Идеиная смердяковщина благоухаетъ во всѣхъ концахъ литературы. Съ благословенія Церельмановъ оправдывается всякій поступокъ, всякое поведеніе, всякая безпринципность, неблаговидность и шекотливость. Развратный лакей, нравственный урокъ громко выступаетъ въ мантіи пророка и вождя, откровенно и цинично утверждаетъ „апофеозъ безпочвенности“, несетъ въ литературу проповѣдь ослабленной воли, разнузданныхъ инстинктовъ, нравственнаго истощенія. Это-ли не предѣлъ одичанія и извращенія

русской литературы? Но и самый высшій видъ ея развѣ не свидѣтельствуетъ о всеобщей порчѣ вкуса и вульгаризаціи? Развѣ не развѣнился московскій символизмъ, когда-то хотѣвшій быть чистымъ золотомъ въ лазури“, чистой мечтою поэта, развѣ не развѣнился онъ на стертые пятакъ торговаго модерна? Развѣ не служитъ эстетика во всѣхъ дешевыхъ парикмахерскихъ и развѣ не имѣютъ спроса ея фальшивые локоны у всѣхъ столичныхъ горничныхъ? Развѣ не видно, какъ стремительно ватится литературное слово по „трѣку“ невзыскательности, и развѣ не ясно, какой самодовольной пошлостью доспится этотъ сіяющій „свѣтлингъ-ринкъ“? Нечистоплотность и вульгарность не только внутри, но и снаружи, литература насквозь промариновалась въ грязномъ соку сексуальности, отрицаній, кощунствъ и неприличій.

Все это не сонъ, не басня, а быль,—годовые и даже многолѣтніе итоги, все это имѣло мѣсто не разъ въ теченіе 1912 года, и все это намъ опять улыбается. Опять улыбается, и ужасъ наводитъ эта улыбка разлагающаго мертвеца. Литература—покойницкая, гдѣ живому, свѣжему человѣку невозможно, нечѣмъ дышать, гдѣ скалятъ зубы черепа убійцы и кретинновъ. Смерть и разложеніе—въ беллетристику, въ поэзію, въ драматургію. Ничто и никто не веселитъ. Даже и молодость. Взять-ли новѣйшую поэзію. Только очень молодые или очень научные люди могутъ говорить о какомъ-то „пирѣ поэзіи“ безъ улыбки и ироніи, кто же имѣлъ несчастье слѣдить за поэзіей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, для того ясно, что весь этотъ затяжной „пирѣ“ не что иное, какъ „декадентскій канканъ вокругъ Пушкина“, пиршество нищихъ и оголѣвшихъ, дурная „эстетика“ паразитизма. Потому и молодость не веселитъ, потому и объ ея участи приходится сокрушаться сердцемъ. Какъ-то скоро теперь дряхлѣютъ духомъ наши поэты, обращаются въ раннихъ старичковъ. Поэты теперь не растутъ, не ошибаются, не спотыкаются, а рождаются на свѣтъ съ готовыми ризами, съ отчеканенными стихами, со сложившимися настроеніями. Прямо—„изъ головы Зевса“. И всѣ, какъ родные братья, какъ близнецы, подъ одинъ ранжиръ, по одному графарету. Сколько за годъ напало всѣхъ поэтиковъ, сколько сборниковъ выпущено, а русской поэзіи отъ этого все не легче и „пехъ поэтовъ“ для нея также бесполезенъ, какъ и каждый поэтъ въ отдѣльности, и отъ двадцати сборниковъ то же впечатлѣніе, что и отъ одного, какъ будто и нѣтъ отдѣльныхъ стихотворцевъ, а словно одинъ какой-то сверхъ-стихоспособный молодой человѣкъ пишетъ подъ тысячью псевдонимовъ. До того одинаковы всѣ эти пксы и игреки, что ихъ строфы при всѣмъ различіи темъ и размѣровъ сливаются въ унылый, постылый унисонъ. Никакой непохожести, раздѣльности, все такъ взаимно-соизмѣримо, такъ одногласно, такъ построено въ одномъ ключѣ, Юная вобла стадомъ мечетъ икру. Качество икры не ниже средняго. И только, и только. Раздѣлять, выдѣлять кого-либо изъ тысячной толпы нѣтъ возможности, было бы несправедливостью, незаслуженной обидой для всѣхъ остальныхъ. Ясно одно: эти пксы и игреки изъ-подъ одной насадки—модернизма, физиономіи же, индивидуальности, не пишите, не найдете. Подъ личинами

стилей и образовъ не живутъ души повтовъ. Первые ученики по стихосложенію, а въ сущности, души не родившіяся! Даже „эго-футуристъ“ Игорь Свєрянинъ со своими взбалмошными и до смѣшного неблагоразумными „поэтами“ болѣе личность, болѣе поэтъ, чѣмъ весь этотъ „цехъ“ безусыхъ старичковъ, ибо въ этомъ озорномъ нитѣ хотя бунтуется и кипитъ молодая, задорная натура, и онъ идетъ за свой страхъ и рискъ, а эти „подбрюшники“ только и способны держаться за ручку литературнаго „пацы“. Поэзія требуетъ проявленія характера, напряженія воли и чувства, присутствія темперамента, а темперамента у молодыхъ меньше всего. 1912 годъ принесъ лишнюю сотню умѣлыхъ стихотворцевъ, но между ними вряд-ли подымется хоть одинъ поэтъ.

Таковы-то наши литературныя дѣла на зарѣ 1913 года... Литература вся въ одной плоскости, на низкомъ уровнѣ, она какъ ржавое болото, полное засасывающей тины и ядовитыхъ испареній, а въ болотѣ—мелкіе бѣсенята, да призрачныя огоньки, а на кочкахъ—унылые критики. Жалка наша нынѣшняя участь. Мы вряхи безъ пряжи, спящія дѣвы, ждущія жениха. И какъ не спать? Надоѣло вязать нескончаемый чулокъ „душкѣ-Андрееву“, опостылѣли ужимки и прыжки больныхъ, мелкихъ самолюбій, значительныхъ произведеній вѣтъ и ждать ихъ неоткуда, кругомъ одна мутная жижа, а въ ней обломки низверженныхъ кумировъ. Откуда достать глубины, прозорливости, вѣчныхъ вопросовъ? Въ дужѣ много не навярешь. Критика невольно осуждена на прозябаніе. Но дайте ей хотя одно выдающееся произведеніе, и она заговоритъ серьезно. Пусть придетъ въ литературу Божій человекъ, пусть скажетъ свое слово тепло и просто, и пробудятся мертвые...

Когда же мы этого дождемся? Когда-жъ ты воспринешь отъ мертваго сна, родная литература? Когда же снова оснѣжитъ тебя Господь красотой и славой? Ты спишь, и тяжкій позоръ куетъ тебя—не въ хрустальномъ гробу, не въ златотканной порфирѣ почиваешь,—сорный ящикъ сталъ твоей домовиной, чужія лохмотья тебя облакаютъ, грязные кошмары тѣнятъ тебя, ядовитая скука ѣстъ твои голубыя очи, косноязычіемъ искривились твои вѣщія уста; изуродованная, оскверненная, ты распростерлась въ смертномъ томленіи безнадежности, ты цѣнешь въ хладномъ покоѣ равнодушія. Ты, которая была царевной, очнись, озорись, гдѣ твоя алая краса? Гдѣ гудящая слава? Гдѣ вдохновенное сердце, что такъ громко и властно билось въ тебѣ? Гдѣ семь богатырей, что росли и пѣствовали тебя?—Сорное ложе стало единою судьбою, и объятія нищихъ-проходимцевъ—посланнымъ утѣшеніемъ... „Спящая Царевна“ въ образѣ Елизаветы Смердящей!.. Пусть же, кто хочетъ, отчитывается въ ея мерзостяхъ и глузостяхъ, а я не могу, и подожду. Правда, вѣтъ никакихъ предвѣстій, мы въ гробу безъ луча и надежды, но женихъ приходитъ въ полночь. Бодрствуйте. („Россія“).

А. Б-ль.

Отвѣтственный редакторъ *В. Елеонскій*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Руководства и пособія по обученію пѣнію **А. Н. Карасева**. Подробный перечень въ № 40 Церков. Вѣдом. за 1912 г. и высыл. бесплатно. Москва, Пречистенка, Обуховъ пер., д. 11 кв. № 2-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

5-й г. изданія на 1913 годъ 5-й г. изданія
на большую политическую, общественную и
литературную газету

ЗЕМЩИНА,

издаваемую въ С.-Петербургѣ.

Газета будетъ выходить ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ двенадцатыхъ праздниковъ.

Подъ редакціей **С. К. Глинки-Янчевскаго (С. Глинна)**.

Въ „Земщину“ принимаютъ дѣятельное участіе многіе члены правыхъ группъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и рядъ извѣстныхъ писателей, вмѣстѣ съ ними отстаивающихъ исконныя начала русской государственности, почему „Земщина“ съ несомнѣнною полнотою отражаетъ отношеніе вѣрныхъ этимъ началамъ русскихъ людей къ современной общественной и государственной жизни Россіи.

Кромѣ того, газета, какъ національный органъ печати, придавая особое значеніе всемъ вопросамъ церковной жизни и вопросамъ военнымъ, имѣетъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ много выдающихся представителей духовенства и цѣлый рядъ военныхъ писателей.

По понедѣльникамъ „Шахматы“ подъ ред. **А. К. Макарова**

Чинамъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ, сельскимъ приходскимъ священникамъ и народнымъ читальницамъ, при непосредственномъ обращеніи въ контору газеты, дѣлается скидка 10% съ подписной цѣны.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи: на 1 г.—6 р., 11 м.—5 руб. 50 коп., 10 м.—5 р., 9 м.—4 р. 50 к., 8 м.—4 руб., 7 м.—3 р. 50 к., 6 м.—3 р., 5 м.—2 р. 50 к., 4 м.—2 р., 3 м.—1 р. 50 к., 2 м.—1 руб., 1 м.—50 к.

За границу: на 1 г.—10 р., 11 м.—9 р. 30 к., 10 м.—8 р. 65 к., 9 м.—8 р., 8 м.—7 руб. 20 к., 7 м.—6 р. 40 к., 6 м.—5 р. 60 к., 5 м.—4 р. 65 к., 4 м.—3 р. 70 к., 3 м.—2 р. 85 к., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р.

При подпискѣ съ 1-го января на годъ допускается разсрочка платежа: 2 рубля при подпискѣ, въ 1-му апрѣлѣ—2 рубля и къ 1-му іюлю—2 рубля.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ „ЗЕМЩИНА“

принимается съ 1-го декабря 1912 г. во всехъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

Въ С.-Петербургѣ: Въ главной конторѣ редакціи „ЗЕМЩИНА“ Шпалерная, 48. (Телефонъ 79—30).